

Чудо исповеди. Непридуманые рассказы о таинстве покаяния — Пыльнева Г. А.

Книга содержит рассказы о том чудесном воздействии, которое оказывает исповедь на душу кающегося, советы опытных духовных руководителей, напоминание о том, на что надо обратить внимание при подготовке к исповеди. Составлена из воспоминаний православных христиан.

[От издательства](#)

[Будь счастливым!](#)

[Сокрушение... старца](#)

[Протянуть руку Богу](#)

[Слово перед исповедью](#)

[У отца Иоанна Кронштадтского](#)

[Исповедь способна творить чудеса](#)

[Пути Господни неисповедимы](#)

[Дверь покаяния](#)

[«Не прощу никогда...»](#)

[Исповедь... чужих грехов](#)

[Гроза](#)

[Исповедь в лагере](#)

[Быть и делать](#)

[Покрывай всё любовью](#)

[На первой исповеди](#)

[Быть другом Христовым](#)

[Всё равно...](#)

[Впустить в себя свет](#)

[Если священник любит кающегося](#)

[Исповедь «по списку»](#)

Оскоромился!

О доверии священнику

Если священник... нетрезв

Мы видим грех, но не видим покаяния

«Не буду исповедоваться!»

У Лаврского духовника

Чаша спасения

В Данилове на исповеди

Как часто можно причащаться?

Из «Исповедного листка» обители св. Пантелеймона

Как готовиться к исповеди

«Я не люблю Бога».

«Я не люблю ближнего».

«Я не верю Евангелию и бессмертию».

«Я преисполнен гордости и чувственного себялюбия».

Слово о покаянии митрополита Антония Сурожского

Три беседы об исповеди митрополита Антония

О покаянии говорят современные духовные руководители

Об общей исповеди

Общая исповедь у митрополита Антония

От издательства

Сейчас появилось немало книг, цель которых подготовить верующего человека к исповеди, настроить на покаянное чувство. Безусловно, книги эти приносят огромную пользу, и их надо изучать каждому православному. Но тайна подлинного покаяния не исчерпывается знанием соответствующей литературы и сухим перечислением своих грехов. Она, эта тайна, совершается глубоко в сердце кающегося и зависит не только от его душевного расположения, но и от Бога милующего. И огромную роль в совершении таинства исповеди играет свидетель, посредник, поставленный волею Божией между Богом и кающимся человеком — священник. Бывают исповеди, которые, благодаря чуткому, глубокому и сердечному отношению священника к своему грешному чаду, буквально перерождают — всё существо человека, изменяют самый строй его жизни. Именно о таких священниках и таких исповедях — воспоминания православных верующих, собранные в этой книге.

Будь счастливым!

«... Шёл мне тогда... десятый год. Я не застал служения великого отца Алексея Мечёва, его сына отца Сергия, бывшего в 1930 году в ссылке. Но исповедь в мечёвском храме запомнил на всю жизнь. И сейчас вижу добрые карие глаза, сердечный и тёплый голос отца Бориса (Холчева), тогда священника, принявшего обет безбрачия, а впоследствии старца-архимандрита. Необычайно интересна была исповедь, доходчивая до ребёнка и в то же время философская и душевно тёплая, индивидуальная. Мне казалось, что когда отец Борис склонился ко мне, и на аналой упали его чёрные густые волосы, я почувствовал, что я уже взрослый и могу всё понять. — Всю жизнь, — сказал о. Борис, указав на Евангелие, — помни, что в этой книге есть всё, что нужно твоей душе. Ты всегда получишь утешение, ты будешь вместе с Самим Христом. Молись, и Он всегда поможет тебе. Ведь ты знаешь, что Христос — не просто «добрый Боженька». Он может и указать, и наказать, но всегда на пользу, всегда во благо. Я стоял заворожённый. — Помни, что Христос и Отец и Друг тебе, Он и Бог и Человек одновременно, знаешь ли ты это? — Знаю, — отвечал я. — Помни и читай Евангелие всю жизнь, не имей в сердце злобы. Ни к кому. Будь счастливым...

Воспоминания А. Б. Свенцицкого. «Московский журнал». 1995. № 8

Сокрушение... старца

... Одна женщина, приехавшая издалека (в Глинскую пустынь), просила отца Андроника её поисповедывать. Что она говорила ему, это тайна исповеди, но только после всего услышанного он стал плакать, приговаривая: «Как же ты могла так оскорбить Господа?!» Его сокрушение о её грехах, которые, возможно, тяготили её, но в которых она, вероятно, не умела ещё как следует покаяться, так поразили её, что она, отойдя от аналая, сказала вслух: «Приеду домой, перезимую, Бог даст, а весной тёлку продам, чтобы сюда ещё раз попасть».

«Глинская мозаика» М., 1997

Протянуть руку Богу

Никогда не забуду моей первой исповеди у отца Кирика. Он был афонский старец, прошедший всю жизнь в молитве и подвигах. Когда я вошла в комнату, где он исповедывал, он из её глубины протянул ко мне руки со словами: «Гряди, гряди, голубица». Он был совсем седой, с ясными, прозрачными голубыми глазами. От его слов, от его ласки, от его детски чистого взгляда я стала сразу плакать. Я знаю, что слёзы на исповеди — это посылаемая Богом благодать. Они несут покаяние, они открывают нам забытые грехи. Первым вопросом отца Кирика было: «Часто ли он мучит Вас?» Сначала я не поняла, кто это он? Отец Кирик спохватился и стал говорить: «Да, да, Вы не понимаете, конечно, я забыл, что здесь, в миру, он оставляет вас в покое, он и так здесь всем вертит, ему незачем открывать своего лица. Уповайте на Господа, и Он не оставит Вас. Господь — как любящий отец. Помните это всегда. Протяните Богу руку, чтобы Он вёл вас, и тогда всё в Вашей жизни будет хорошо». Я слушала его и плакала благодарными слезами. Когда даёшь руку Богу, то живёшь в другом плане, идёшь не по земле, а чуть-чуть повыше. Тогда каждый день нов и прекрасен, тогда нет серых будней, скучных ненужных людей, тогда на исповеди видишь свои грехи и даются слёзы, чтобы оплакать их. Тогда сердце открыто для Божьей благодати.

Из «Хроники семьи Зерновых»

Слово перед исповедью

Отец Иларион, настоятель обители преподобного Саввы Вишерского, исповедуя кающегося, всегда начинал с того, что обвинял самого себя. «Поверь мне, — говорил он, — если я не совершил подобного же греха, то только потому, что Господь, по милосердию Своему, отклонил от меня случай совершить его. Если я не поддался тому или другому искушению, то только потому, что Господь, считая меня слишком слабым, не позволил демону искушать меня. Итак, не бойся открывать передо мной свою душу и не стыдись меня: я грешнее, каков бы ни был совершённый тобой грех». Относясь так снисходительно к поступкам, вызванным незнанием или необдуманностью, он был строг и даже неумолим к тому, что основывалось на порочных наклонностях, на уклонении от принципов или умышленно поощряемом недостатке. В таких случаях, находя необходимость в наказании, он никого не прощал. Он даже увеличивал стыд и раскаяние виновного тем, что брал на себя часть той епитимии, которую, как пастырь, обязан был наложить на него. И все знали, что он сдержит своё обещание, что ни одно слово, ни одна угроза не пройдут бесследно.

«Афонский подвижник». С/76, 1898

У отца Иоанна Кронштадтского

Молодой барин (Сергей Александрович Нилус) вспоминал о своей поездке в Кронштадт к батюшке Иоанну. «Домой я вернулся уже совсем больной, с потрясающим ознобом и жаром, от которого голова, казалось, кололась надвое. По самой заурядной человеческой логике надо было лечь в постель и послать за доктором, что я, вероятно, и сделал бы, но какая-то сила выше недуга, выше всякой логики в лютый мороз увлекла меня в тот вечер в Кронштадт. Я сознавал, что поступаю неразумно, может быть, даже гублю себя, и тем не менее, пригрози мне в то время кто-нибудь смертью за моё неразумие, я бы, кажется, пошёл и на самую смерть. В вагоне ораниенбаумского поезда, сидя у раскалённой чуть не докрасна печки, я дрожал в своём пальто с поднятым воротником точно в лютый мороз, на сквозном ветру; но уверенность, откуда-то взявшаяся, что со мной не приключится ничего дурного, что я, вопреки кажущемуся безумию моего путешествия, буду здоров, не покидала меня ни на минуту. Однако мне становилось всё хуже и хуже. Кое-как, скорее при помощи мимики, чем слов, нанял я на Ораниенбаумском вокзале кибитку в одну лошадь, и, как был в лёгком пальто, пустился в 12-вёрстный путь в 18-градусный мороз по открытому всем ветрам ледяному взморью в Кронштадт, мигавший вдали в ночной темноте ярким электрическим светом своего маяка. Везти я себя велел в Дом Трудолюбия. Пустынны были улицы Кронштадта, когда по их ухабам колотилось моё бедное больное тело, но чем ближе я подъезжал к Андреевскому собору, тем оживлённее становился город, а уже у самого собора меня встретила людская волна не в одну тысячу человек, молчаливо и торжественно разливавшаяся по всем смежным собору улицам и переулкам. — От исповеди, от батюшки все идут! — проговорил мой возница, снимая шапку и истово троекратно крестясь на открытые двери храма. В Доме Трудолюбия мне пришлось подняться на 4-й этаж, в квартиру рекомендованного мне псаломщика. Не прошло и часа с прихода из собора псаломщика, как снизу прибежала запыхавшись одна из служащих: «Батюшка приехал!» Мы с псаломщиком в один миг были уже в нижнем этаже. — Отчего дверь не отпёрта? Отпирай скорее! — раздался властный голос... и быстрой энергичной походкой вошёл батюшка. Одним взглядом отец Иоанн окинул меня... и что это был за взгляд! Пронзительный, прозревший, пронизавший, как молния, и всё моё прошедшее, и язвы моего настоящего, проникавший, казалось, даже в самое моё будущее! Таким я себе показался обнажённым, так мне стало за себя, за свою наготу стыдно... — Вот, батюшка, господин из Орловской губернии приехал к Вам посоветоваться, да захворал и потерял голос... — Как же это ты голос потерял? Простудился, что ли? Я не мог в ответ издать ни звука: горло совсем перехватило. Беспомощный, растерянный, я только взглянул на батюшку с отчаянием. Отец Иоанн дал мне поцеловать крест, положил его на аналой, а сам двумя пальцами правой руки провёл три раза за воротом рубашки по моему горлу. Меня вмиг оставила лихорадка, и мой голос вернулся ко мне сразу свежее и чище обыкновенного... Трудно словами передать, что совершилось тут в моей душе!.. Более получаса, стоя на коленях, я, припав к ногам желанного утешителя, говорил ему о своих скорбях, открывая ему всю свою грешную душу, и приносил покаяние во всём, что тяжёлым камнем лежало на моём сердце. Впервые я воспринял всей своей душой сладость этого покаяния, впервые всем сердцем почувствовал, что Бог, именно Сам Бог, устами пастыря, Им облагодатствованного, ниспослал мне Своё прощение, когда мне сказал о. Иоанн: — У Бога милости много — Бог простит. Какая это была несказанная радость, каким священным трепетом исполнилась душа моя при этих любвеобильных, всепрощающих словах! Не умом я понял совершившееся, а принял его всем существом своим, всем своим таинственным духовным обновлением. Та вера, которая так упорно не давалась моей душе, только после этой моей сердечной исповеди у о. Иоанна занялась во мне ярким пламенем. Я сознал себя и верующим, и православным».

С. Нилус. «Великое в малом»

Исповедь способна творить чудеса

Александр Сергеевич Кузнецов, ставший в 1938 году монахом Антонием в обители преп. Саввы Освящённого, рос и воспитывался в своём имении под Нижним Новгородом в очень культурной среде. Революция вынудила его с матерью (отец раньше умер) через Кавказ перебраться в Константинополь. Здесь началось их духовное перерождение (интеллигенция наша в своём большинстве была далека от Церкви). Вот как пишет некий И. Е. об о. Антонии в журнале «Вечное» за 1965 год, посвящённом целиком о. Антонию, в публикации «Монах Антоний Савваит»: «В Константинополе они дошли до полной нищеты, так что иногда даже питались подаванием. Они не раз попадали в почти безвыходное и опасное положение. Было несколько случаев, когда они как бы нечаянно призывали Господа на помощь, а Господь как будто этого и ждал. Он сразу же, творя почти явное чудо, их от беды избавлял. Вот тут-то они и начинали понимать, что такое Промысел Божий, пекущийся о всяком человеке. Так началось духовное прозрение... Однако не дремал враг рода человеческого. Он сразу же попытался совратить их с пути истины через всяких вольнодумцев, называвших себя христианами, которыми изобиловала тогда наша эмиграция в Константинополе, начиная от теософов и кончая всякими самостоятельными лежеучителями. Расстроенный умом и душой, Александр Сергеевич страстно увлекался всеми этими мнимыми источниками истины, и хотя Святое Евангелие и Апостол он знал почти наизусть, от Православия был далёк. Подобно другим вольнодумцам, он начал проповедовать и учить других тому, чего сам не понимал. Но так как всё это было не от Бога, то вместо душевного мира он получил, наоборот, полное расстройство. Мать же его, также блуждая в поисках истины, не пренебрегла и Церковью, и видя недуг своего сына, решила повести его к «батюшке» в надежде, что тот

скажет им доброе слово или советом поможет. Рассказала батюшке о сыне, а потом привела его. И что же — вместо слов иеромонаха просто его крепко обнял и с состраданием сказал: «Ничего, ничего — всё пройдёт». И в этот момент благодать Божия хлынула в душу А. С. Без проповеди, без объяснений он понял, что истина — в Православии, понял раз и навсегда. Кстати, иеромонах этот ни до, ни после этого случая никаких «сверхъестественных вещей» не творил». В дальнейшем А. С. и его матери удалось перебраться в Святую Землю, где он поступил в 1925 году в Лавру преп. Саввы Освящённого, а его мать — в русский женский монастырь на Елеоне. А что касается краткой исповеди, то действие её чудесно открыло душу пришедшего в храм А. С. по милости Божией. Ведь Господь хотя бы сомневающихся в своей правоте принимает, а горделиво и упорно её отстаивающих — нет. И простой, обычный батюшка способствовал этому чуду своим сочувствием мятущейся душе.

Из публ. «Монах Антоний Савваит»

Пути Господни неисповедимы

Вера Тимофеевна Верховцева (1862—1940) собиралась исповедоваться и причаститься после долгого перерыва и, молясь Богу, чтобы Он послал ей достойного священника, во сне увидела духовника покойной матери, о котором никогда не вспоминала. В старом молитвеннике матери она нашла забытое имя и постаралась узнать об отце Сергии у хороших знакомых в городе её детства. Он был жив, служил и был законоучителем в гимназии. Вера Тимофеевна помчалась к нему. Прямо с вокзала — в гимназию. Священник, уже седой старик, услышав, что она дочь Надежды Федоровны и хочет у него исповедоваться, пригласил к себе домой в 5 часов. В назначенное время она позвонила. Дверь открыл батюшка и, введя её в свой кабинет, показал на карточку матери, сказав: «Бог, ваша мать и я — мы вас слушаем!» Взволнованная, она выплакала и высказала всю душу свою. «То была исповедь всей жизни моей; как на ладони представилась она мне, жалкая, одинокая, какая-то тёмная... Помню, с какой горячей искренностью обнажала я свою изболевшую, исстрадавшуюся душу пред тёмным ликом Христа, глядевшего на меня из угла... и ничего, в сущности, кроме этого взора, я не видела. Когда я окончила свою исповедь и обернулась в сторону священника, сидевшего в кресле спиной к свету, то увидела его спящим со страшным красным лицом, и вся поза его изобличала совершенно пьяного человека... Меня он не слушал, да и ему ли я открывала свою душу? Он был свидетелем, изменившим долгу своему, клятве своей, недостойным слугой невидимого Господа, — я же исповедовалась Богу, и слушал меня Бог! Если бы тогда я имела свой теперешний опыт и знание, я бы не смутилась представшим моему взору зрелищем, я бы, вероятно, с колен встала здоровой, оправданной, но тогда я зашаталась на ногах, и не понимаю, как не сошла с ума от столь неожиданного, так безгранично потрясшего меня впечатления. От резкого моего движения очнулся батюшка и заплетающимся языком велел приехать исповедаться (?) в 5 часов утра в церковь к ранней обедне. Не знаю, как одолела мой внутренний хаос благодать Божия, но к пяти утра я уже была в церкви. Войдя в церковь, увидела своего духовника едва державшимся на ногах. Сторожа его поддерживали. Он, видимо, был в полном изнеможении. Обедню служил другой священник, у которого я и причащалась». Вера Тимофеевна вернулась в Москву с новой мукой в сердце. «Мысль, что я сама-то не стоила лучшего священника, мне тогда в голову не приходила, к себе я была снисходительна, а к нему требовательна». После этого здоровье её пошло на убыль. «Доктора послали за границу, оттуда отправили обратно, находя положение безнадежным», — пишет она. Исцелил Веру Тимофеевну отец Иоанн Кронштадтский, к которому она обратилась по совету близких. «Вскоре после моего возрождения и знакомства с Батюшкой, как-то неожиданно для меня самой воскресла в памяти фигура немощного священника из Т. «Вот бы свести его с Батюшкой, — пришло мне на ум, — авось и его исцелит Господь за праведные молитвы Своего служителя. Может, только для этого и скрестились на мгновение наши пути». Мысли эти всё чаще и неотступнее меня преследовали, и я, наконец, решила написать без всяких обиняков. «Вы свет мира и соль земли, — писала я, — а как-то светите вы? В какой соблазн вводите вашу паству, оскорбляя Бога, пренебрегая интересами вверенного вам стада? Приезжайте непременно, доверьте вашу немощную душу Батюшке о. Иоанну, за его молитвы исцелеее». «Не могу обращаться к другим в деле, где сам себе помочь должен», — ответил он. Но я не унималась. Внутренний голос убеждал меня настаивать, и я снова написала и назначила даже день приезда, обещая, что служить он будет совместно с Батюшкой, которого уже просила усердно молиться о погибающей его душе. И когда наступил день, мною назначенный для приезда, я впала в безграничное волнение. Прошло утро в ожидании тщетном, и я, разочарованная, ушла из дома по делам. Каков же был мой восторг, когда по возвращении узнала от швейцара, что приезжий священник меня ждёт. На крыльях радости влетела я в квартиру. Навстречу мне поднялась знакомая фигура отца Сергия, но до того зловещая, мрачная, что от страха сжалось сердце моё. — Ну вот я приехал, сам не знаю, зачем, — начал он не здороваясь и не благословляя. — Ну и слава Богу! — воскликнула я. — Сейчас поедем разыскивать отца Иоанна. — Да нет, не надо, — перебил он меня, — чего спешить, может и не стоит никого тревожить, и так обойдётся дело. А всё же странные вещи случились с тех пор, как получил я ваше письмо. Прежде всего, то была первая ночь за 25 лет, что я заснул и не просыпался, а то, и не поверите, какая мука! Проснёшься с двух часов ночи и тянет пить, а я уж как ни грешен, а пьяный не служил, не оскорблял Бога хоть этим... а тут утром трезвый встал, прямо самому себе на удивление. А затем думаю: как же ехать, денег нет даже копейки лишней. Взмолилась тут жена, говорит: «Достанем!» Нет, говорю, в долги не полезу, а сам рад, что помеха нашлась: да вдруг откуда ни возьмись, пришли жене деньги после покойного митрополита Московского — 200 рублей; он ей был родственник, отговорки и нет. Смотрю, на счастье, новая помеха — юбилей 200-летний город справляет, меня

архиерей как заслуженного протоиерея назначил в сослужение — вот, думаю, и не пустят, опять слава Богу! А всё для очистки совести пошёл проситься. «Хочу, мол, в Кронштадт ехать, такого-то числа служить буду с о. Иоанном», — а сам внутри себя посмеиваюсь: «Как же, пустят тебя!» А архиерей-то был почитателем Батюшки. А тут уж и последнее чудо свершилось. «Такого счастья Вас лишать, — сказал он, — поезжайте с Богом, да за меня грешного вместе с ним помолитесь». Меня обыкновенно всегда провожают, один я ездить не могу, непременно напьюсь, ну и берегли от сраму-то, а тут некому было провожать, да и дорога стала бы в два раза дороже, вот и пустили меня на волю Божию — и что ж, доехал, хоть бы единую за дорогу-то выпил, но уж дольше, пожалуй, не стерпеть. Я ведь пью много, — понизил он голос до шёпота, и лицо его стало ужасным, — мне ведь и бочки мало! Я почувствовала, как дрожь меня всю охватила... — Едемте скорее, Бог поможет, я верю, верю, верю, — твердила я в каком-то исступлении и больше всего боялась, чтобы как-нибудь он не отвертелся. Был ноябрь, на улице гололёд: ни в санях, ни на колёсах не укрыться, пронзительный холодный ветер продувал насквозь. В лёгкой кофточке, почти замерзая, я о себе перестала думать, лишь бы удалось его сдать попечению родного Батюшки, лишь бы до него дотащить. Отец Сергей сидел и упорно молчал, изредка вздыхая, что-то бормоча. «Господи, сподоби узреть достойного слугу Твоего», — удалось мне расслышать. Молилась я внутренне горячо и пламенно. По приезде на вокзал я взяла билет для отца Сергея и, имея крайнюю необходимость вернуться домой, страшно боялась, что труд пропадёт даром. Подвела я его к стоявшему на платформе образу и сказала: — Клянитесь мне высоким достоинством священника, что Вы не убежите, что дождётесь Батюшку, иначе я останусь, рискуя совсем заболеть. — Даю Вам страшную клятву перед лицом Бога, что я не уйду. Я уже поборол в себе желание бежать, ступайте с миром, — сказал он твёрдо и покойно. Прошло целых три томительных дня, волнение моё возрастало, мне всё мерещилось: либо он умер, либо убежал, невзирая на клятву. Наконец, на третий день вечером раздался звонок. Моё сердце затрепетало, и я, опередив прислугу, бросилась к входной двери: У ней стоял весь сияющий, лучезарный отец Сергей. Истово помолившись на образ, благословив меня, он глубоко посмотрел мне в глаза: «Если бы я не был священник и протоиерей, поклонился бы я тебе в ноги и целовал бы их за то, что ты Для меня сделала»... И рассказал мне, как ехал с Батюшкой в купе, как тот вспомнил, что уже о нём молился. Картина отбытия поезда, толпа бегущих сзади людей, бросание записок с мольбой помолиться, — всё это уже с самого начала поразило своей необычностью впечатление его; он сразу понял и взвесил, какую силу имеет истинный священник Господа Бога и каким он должен быть. О. Иоанн молчал: молился и дремал. На пароходе он неожиданно взял отца Сергея за руку и повёл его к носу парохода. Публика попряталась в каютах, так как необычайной силы ветер бушевал. Палуба была пуста. Отец Сергей, ухватившись за протянутый канат и нахлобучив шапку, едва пробиравшись за Батюшкой, который шёл впереди свободно, без шапки, с развевающимися волосами, в распахнутой шубе. «Ну вот, отец протоиерей, — сказал он, останавливаясь, — Бог, очистительная стихия и я — слушаем тебя». Вскоре после этого события отец Сергей заболел гнойным плевритом, и случилось, что в это самое время проезжал отец Иоанн город Т. ко мне в имение. Я просила его усердно навестить болящего. «Болезнь твоя очистительная, — сказал Батюшка, — ею Господь и немощь твою всю очистит». И встал отец Сергей после болезни духовно здоровым, прожил после того ещё 10 лет, возрастая и укрепляясь духом, и умер, горячо оплаканный безгранично его любившим приходом и семьёй.

В. Т. Верховцева. «Воспоминания об о. Иоанне Кронштадтском»

Дверь покаяния

У меня за всю жизнь мою было две особые встречи. Одна такая, что я, ослеплённый женщиной, пошёл за ней, как вол идёт на убой, и извратился путь мой. Другая же встреча была с девушкой, исполненной кротости. Благовоспитанной душе её я не знал цены. Я принял эту кроткую девушку как дар от Господа. И понял ужас первой встречи, грех которой никогда бы не коснулся меня, если бы я любил истину и не был бы высокого мнения о себе. Но со мною случилось по слову Писания: «придёт гордость, придёт и посрамление» (Притч. 11, 2). Что делать? Как мне выйти из того круга противоречий, в котором я оказался? Я ничего не мог понять и не видел для себя никакой возможности — и начал внутренне метаться. Скорбь и тоска преследовали меня. И когда я достаточно испил всю горечь безысходного своего положения, неожиданно, независимо от моих личных усилий, пришёл для меня «день искупления» (Еф. 4, 30). Помню, это было 4 февраля 1932 года. Я был в командировке на Урале. Я проснулся рано (было 5 часов утра). Тоска от сознания греха своего с новой силой сжала меня. Находясь в тяжёлом душевном состоянии, я взял свою любимую книгу — Евангелие. Нашёл то место, где говорится о чуде исцеления слепорождённого и как Господь Иисус исцелил его и спросил потом: «Ты веруешь ли в сына Божия?» (Ин. 9, 35). Странное дело, мне показалось, что слова этого вопроса я ясно слышу, и они обращены ко мне. Я задумался, желая дать ответ. И только я задумался, как вдруг... почувствовал присутствие Христа и увидел яркий свет и в этом свете Его пронизательный взгляд. И случилось со мной в этот момент что-то не вменяемое в слова. Мне вспомнился грех мой, и вся жизнь моя мне показалась злой и мерзкой. И чувство сильнейшего отвращения к себе охватило меня. И это сознание греховной жизни моей повергло меня в ужас. Тогда я пал пред стоящим около меня Господом и, не смея надеяться, умолял: «Господи, Господи! Я согрешил пред Тобою... спаси меня!» И когда я произнёс эти слова, потряслось всё моё существо и какая-то сила вошла в меня, и тогда всё, что смущало меня и тяготило, ушло куда-то далеко-далеко, так, что стало как небывшее, а в душе зажглась необъятная радость прощения Божия. И стал я благодарить Бога. И вновь и вновь радость озаряла всё моё существо. Наконец открылась милостью Божией дверь

покаяния. После этого я встал новым человеком. Пережив всё это, я потерял речь, и ничего сначала не мог говорить, и только написал другу своему, с которым Господь благословил меня жить, что Бог дал мне пережить великое прощение грехов и возрождение. Перемена моего существа была пережита не только внутренне, но и во вне. Я не узнавал самого себя. На службе я стал делать поручаемые мне задания с небывалым для меня успехом, что и было замечено всеми. А радость не уменьшалась в силе своей, всё сияла и озаряла моё существо.

Из записок А. Д. Радынского «День искупления». Машинопись

«Не прощу никогда...»

Не простить кому-то, хотя бы одному-единственному человеку, живому или уже скончавшемуся, значит НЕ получить прощения себе. Даже при самой подробной и, как кажется, искренней исповеди. Таков непреложный закон. О нём знают все христиане. О нём вспоминают всегда, читая «Отче наш». И всё-таки, бывают случаи, когда кажется, что кому-то нельзя простить. И тогда происходит то, о чём рассказал как-то владыка Антоний Сурожский. «Мне сейчас вспомнилась одна женщина, которую я напутствовал 40 лет назад. Она умирала и просила её причастить. Я сказал, что она должна исповедоваться. Она исповедовалась, и в конце я её спросил: — А скажите не остаётся ли у вас на кого-нибудь злоба? Есть ли кто-нибудь, кого вы не можете простить? Она ответила: — Да, я всем прощаю, всех люблю, но своему зятю я не прощу ни в этом мире, ни в будущем! Я сказал: — В таком случае я вам ни разрешительной молитвы не дам, ни причащения. — Как же я умру не причащённой? Я погибну! Я ответил: — Да! Но вы уже погибли — от своих слов... — Я не могу так сразу простить. — Ну, тогда уходите из этой жизни непрощённой. Я сейчас уйду, вернусь через два часа. У вас впереди эти два часа для того, чтобы примириться — или не примириться. И просите Бога, чтобы за эти два часа вы не умерли. Я вернулся через два часа, и она мне сказала: «Знаете, когда вы ушли, я поняла, что со мной делается. Я вызвала зятя, он пришёл, мы примирились». Я дал ей разрешительную молитву и причащение».

Митрополит Антоний Сурожский

Исповедь... чужих грехов

Одна из обращавшихся за духовным руководством к старцу Зосимовой пустыни отцу Иннокентию рассказала о себе: «Жила я с Ольгой, тоже «батюшкиной». Очень раздражала она меня тем, что всё в доме делала не так, как я привыкла. Уж я терпела, терпела... Ну, думаю, всё про тебя расскажу батюшке. Дождалась, когда можно на исповедь к батюшке пойти, пришла и долго, подробно рассказывала про все неверные действия Ольги. Батюшка слушал, не перебивая, не спрашивая ни о чём. Наконец — всё. Кончила. Молчу я, молчит и батюшка. Помолчали, он и спрашивает: — Ты всё о ней рассказала? — Всё, батюшка. — Теперь так же хорошо расскажи о себе. Тут-то я и поняла, что о себе не могу ничего сказать. Не только хорошо, даже плохо не могу... Я же всё за ней следила, всё её поступки разбирала, запоминала, накапливала в памяти. А о себе? О себе забыла, не до себя было... И вот стою у батюшки, он молчит, а я думаю: это называется я на исповедь пришла. Принесла грехи других, а свои где? Кто мне велел чужие-то грехи помнить? Мне, что ли, за них отвечать? Каждого Бог за себя спросит. Другие-то, может быть, давно покаялись, а я вот не знаю, в чём и каяться. Батюшка мне ничего не сказал, дошло до меня так. На всю жизнь выучил, как за другими замечать».

Гроза

Пришёл к старцу Гавриилу на исповедь один священник. Старец его, между прочим, спросил: — Готовясь к службе, всегда ли вычитываете положенное правило? Тот сделал вид, что не понимает вопроса: — «Правило»? То есть как? Я читаю, но... газеты. — Газеты?! — изумился старец. — Да вы в Бога-то веруете? — Ну-у, не очень, не скажу, чтобы очень... — процедил исповедник, улыбнувшись в сторону. У старца закипело на сердце от странной манеры «каяться» и ожесточённости сердца пастыря душ человеческих. Волнуясь, он стал допрашивать несвойственным ему строгим голосом: — И что же, всё-таки служите? — Да, конечно, ведь я — священник! — И народу проповедуете, чтобы молились и в Бога веровали? — Да, проповедую. По обязанности. Видите ли, я на это смотрю так. Чиновник обязан служить — и служит. А что у него на душе, до этого никому дела нет. Я обязан проповедовать, и я проповедую, а что у меня внутри, кому до этого какое дело? — Как! — воскликнул отец Гавриил, вставая во весь свой рост. — У тебя, значит, на языке-то мёд, а на сердце — лёд? Да ведь ты ПРЕСТУПНИК! И не помня себя, в неописуемом волнении даже по аналою рукой ударил. Затрепетал священник от этого грозного оклика. Он повалился на колени и в каком-то ужасе, закрывая лицо руками, простонал: «Господи! Где же я был?» И зарыдал, зарыдал. Едва успокоил его старец. Заново переисповедовал и ещё долго утешал сладкими словами о спасении и радости боголюбия. После этот священник совершенно поправился и был искренним почитателем старца.

Еп. Варнава (Беляев). «Тернистым путём к Богу»

Исповедь в лагере

Пришёл как-то Серафим Сазиков. Стоял, мялся, то о том, то о другом разговаривал, а потом сказал: «Отец Арсений! Хотел бы исповедоваться, если допустите. Видно, конец скоро придёт, не выйдешь из «особого», а грехов много ношу, очень много». Трудно в лагере на час, на два из барака вырваться, всё время под наблюдением, на то и «особый». Но удалось Сазикову вырваться и прийти к о. Арсению на исповедь. Остались вдвоём, до поверки часа два было. Застанут обоих вместе — карцер на пять суток обеспечен. Встал Серафим на колени, волнуется, теряется. Положил отец Арсений на голову Серафима руку и стал молиться. Ушёл в молитву. Прошло несколько минут. Заговорил Серафим сначала отрывисто, сбивчиво, с большим внутренним напряжением. Отец Арсений молчал, не направлял, не подсказывал, а слушая, молился, считая, что человек сам должен найти себя. Исповедовать в лагерных условиях приходилось много, но старых заматерелых уголовников — редко. В большинстве своём это были люди, потерявшие всё на свете, ничего не имеющие за душой. Совесть, любовь, правда, человечность, вера во что бы то ни было давно были утрачены, разменены, смешаны с кровью, жестокостью, развратом. Прошлые не радовало их, оно пугало. Оторваться от своей среды они не могли, а поэтому жили в ней до последнего своего часа жестокими, обзлётными, не надеющимися ни на что. Впереди была смерть или удачный побег. В исповедях своих, если такие случались, были всегда одинаковы. Начало жизненного пути было разным, а всё остальное у всех повторялось: грабежи, убийства, разгул, разврат и вечный страх попасться. В зависимости от души человека мера падения была разной, одни сознавали и понимали, что делают, но не могли остановиться и падали всё ниже и ниже; другие же упивались содеянным, жили насилием, кровью, жаждали этого и с наслаждением доставляли страдания и муки окружающим, считая свою жизнь правильной и геройской. Серафим понимал меру своего падения, пытался остановиться, но не мог найти выхода из уголовного мира. Когда приходила старость, многие из уголовников задумывались над своим положением, но решить, что же делать, не могли. Отец Арсений это знал. Сазиков говорил, но исповедь не шла. Идя на исповедь, он долго думал, что и как рассказывать... но сейчас всё потерял, смешался. Хотелось искренности, но говорил не от души, то, что хотел сказать, ушло. Потеряла его исповедь связь с душой, и оставался рассказ. Видел и понимал это отец Арсений и хотел, чтобы в борьбе с самим собой Серафим победил своё прошлое и этим бы открыл путь к настоящему. Боролось прошлое с настоящим, и ощутил отец Арсений, что нужна сейчас помощь Серафиму, нужно то «луковое пёрышко» апокрифической луковки, которое хоть и тонко и непрочно, но спасает тонущего, ухватившегося за него. И протянул отец Арсений это «пёрышко луковое», сказав: «Вспомни, как умоляла тебя в лесу женщина пощадить, ты не пощадил, и разве потом не стыдился самого себя». И в одно мгновение понял Серафим, что всё видит и знает отец Арсений. Не надо подбирать слова, чтобы показать себя. Надо, ничего не боясь, открыть душу свою, а отец Арсений увидит, поймёт и взвесит всё сам и скажет, можно ли простить его, Серафима. Кончил Серафим исповедь, отдал душу и самого себя в руки о. Арсения, стоит на коленях, лицо в слезах. Первый раз в жизни своей открыл самого себя, показал всю, всю жизнь и сейчас ждал приговора, наказания, осуждения. Отец Арсений, низко склонившись, молился и никак не мог найти самых простых и нужных слов, которые бы очистили, освежили и направили человека на новый жизненный путь. Искренность исповеди, глубочайшее сознание греховности совершённого и в то же время — страшнейшие преступления, доставившие людям страдания, несчастья и муки, — всё как бы смешалось вместе, и надо было измерить, взвесить, отделить одно от другого и определить меру всему этому. Иерей Арсений, прощающий и разрешающий грехи человеческие именем Бога, боролся сейчас с человеком Арсением, не могущим ещё по-человечески принять, осознать и простить совершённое Серафимом. «Господи Боже мой! Дай силу мне познать волю Твою, указать Серафиму, помочь найти ему себя. Матерь Божия, помоги мне и ему грешным. Помогите, Господи!» И молясь, понял, что говорить ничего не надо, взвешивать и решать не нужно, ибо исповедь Серафима, человека, ранее утратившего связь с Богом, была столь глубокой и искренней, обнажившей душу и показавшей, что этот человек стремится к Богу, нашёл Его и уже теперь будет продолжать путь к Нему. За свои дела даст ответ Серафим самому Господу на Суде Божиим и перед совестью своей. Встал отец Арсений и, прижав голову Серафима к своей груди, сказал: «Силою и властью, данной мне Богом, я, недостойный иерей Арсений, прощаю и разрешаю грехи твои. Твори добро людям и Господь простит многие из грехов твоих. Иди и живи с миром, и Господь укажет тебе путь».

Из кн. «Отец Арсений»

Быть и делать

Митрополит Антоний Сурожский рассказывал о своём друге, которому он помог исповедями ощутить силу вечной жизни, заключённую в тленную плоть. «Лет 30 тому назад в больнице очутился человек, как казалось, с лёгким заболеванием. Его обследовали и нашли, что у него неоперабельный, неизлечимый рак. Это сказали его сестре и мне. Я его навещал. Он лежал в постели, крепкий, сильный, полный жизни, и он мне сказал: «Сколько мне надо ещё в жизни сделать, и вот я лежу, и мне даже не могут сказать, сколько это продлится». Я ему ответил: «Сколько раз вы мне говорили, что мечтаете о возможности остановить время так, чтобы можно было быть вместо того, чтобы делать. Вы никогда этого не сделали. Бог сделал это за Вас». И перед лицом необходимости быть, в ситуации, которую можно было бы назвать до конца созерцательной, он в недоумении спросил: «Но как это сделать?» Я указал ему, что болезнь и смерть зависят не только от физических причин, от бактерий и патологии, но также от всего того, что разрушает нашу внутреннюю жизненную силу, от того, что можно назвать отрицательными

чувствами и мыслями, от всего, что подрывает внутреннюю силу жизни в нас, не даёт жизни свободно изливаться чистым потоком. И я предложил ему разрешить не только внешне, но и внутренне всё, что в его взаимоотношениях с людьми, с самим собой, с обстоятельствами жизни было «не то», начиная от настоящего времени; когда он выправит всё в настоящем, идти дальше и дальше в прошлое, примиряясь со всем и со всеми, развязывая всякий узел, вспоминая всё зло, примиряясь — через покаяние, через приятие, с благодарностью, со всем, что было в его жизни, а жизнь-то была очень тяжёлая. И так, месяц за месяцем, день за днём, мы проходили этот путь. Он примирился со всем в своей жизни. И я помню, в самом конце жизни он лежал в постели, слишком слабый, чтобы самому держать ложку, и говорил мне с сияющим взором: «Моё тело почти умерло, но я никогда не чувствовал себя так интенсивно живым, как теперь». Он обнаружил, что жизнь зависит не только от тела, что он — не только тело, хотя тело — это он; обнаружил в себе нечто реальное, чего не могла уничтожить смерть тела. Это очень важный опыт, который я хотел напомнить вам, потому что так мы должны поступать снова и снова, в течение всей жизни, если хотим ощущать силу вечной жизни в самих себе и не страшиться, что бы ни случилось с временной жизнью, которая тоже принадлежит нам».

Митрополит Антоний Сурожский. «Жизнь. Болезнь. Смерть». М., 1995

Покрывай всё любовью

Игуменья Таисия, настоятельница Леушинского монастыря, так рассказывала о своей исповеди у батюшки Иоанна Кронштадтского: «Однажды я исповедовалась у Батюшки, говоря по порядку исповеди. Выслушав, он сказал: «Всё это грехи как бы неизбежные, вседневные, в коих мы должны непрестанно каяться мысленно и исправляться. А вот ты мне скажи, каково твоё сердце, нет ли в нём чего греховного: злобы, вражды, неприязни, ненависти, зависти, лести, мстительности, подозрительности, мнительности, недоброжелательства? Вот яд, от которого да избавит нас Господь! Вот что важно!» Я отвечаю, что не ощущаю в себе ни злобы, ни вражды, ни мести, ничего подобного, а только могу обвинить себя в подозрительности или, вернее, в недоверии к людям, образовавшемся во мне вследствие многих людских несправедливостей и неправд. Батюшка отвечал: «И в этом не оправдишься. Помни: «любвы не мыслит зла» (1 Кор. 13, 5), и «доброе око не узрит зла», даже и там, где оно есть. Покрывай всё любовью, не останавливайся на земной грязи, достигай совершенства любви Христовой; впрочем, и «Иисус не вдаяше Себе в веру их, зане Сам ведаяше вся» (Ин. 2, 24). «Батюшка, как же доверять и верить вполне людям, когда так много от них приходилось терпеть незаслуженно, безвинно? Иногда из предосторожности для будущего относишься недоверчиво и подозрительно». «Зачем нам заглядывать в будущее? «Довлеет дневи злоба его». Предадимся как дети Отцу нашему Небесному. Он «не оставит искушиться паче, нежели можем» (1 Кор. 10, 13). Подозрительностью лишь себя измучаешь, да и делу не поможешь, ещё навредишь, заранее представив себе зло там, где, может быть, его и не будет. Лишь бы мы не делали зла, а нам пусть делают, если попустит Господь».

«Беседы игум. Таисии, настоятельницы Леушинского монастыря с о. Иоанном Кронштадтским». Машинопись

На первой исповеди

В воспоминаниях Евгении Рымаренко о первой исповеди старшего сына, которому было всего пять с половиной лет у о. Нектария, есть удивительные строки. Мама не утерпела и спросила мальчика о том, что спрашивал у него старец. Он сказал, что тот задал вопрос: «Любишь ли ты маму?» Мальчик честно и ответственно отнёсся к нему и сказал на это: «Нет». Евгения очень удивилась, не зная, чем объяснить такое. Сынишка же без колебания в правоте своего понимания любви пояснил: «Я ведь тебя часто не слушаюсь». Поневоле вспомнишь евангельское: «Если любите меня, соблюдайте заповеди...» В таком возрасте такое серьёзное и глубокое понимание самого существа вопроса удивительно, но ведь бывает...

Быть другом Христовым

Послали мальчика лет семи на исповедь к митрополиту Антонию Сурожскому. Мальчик ещё ни разу не был на исповеди и не знает, что говорить. Мама подсказала, и он добросовестно всё повторил. Владыка выслушал и спросил: — Скажи, это ты чувствуешь себя виноватым или ты мне повторяешь то, в чём упрекают тебя твои родители? — Это мне мама сказала, что я должен исповедоваться в том или другом, потому что это её сердит, и этим я нарушаю покой домашней жизни. — Теперь забудь. Не об этом речь идёт. Ты пришёл не для того, чтобы мне рассказывать, на что сердятся твоя мать или твой отец. А ты мне скажи вот что: ты о Христе что-нибудь знаешь? — Да. — Ты читал Евангелие? — Мне мама и бабушка рассказывали, и я кое-что читал, да и в церкви слышал... — Скажи мне, тебе Христос нравится как человек? — Да. — Ты хотел бы с Ним подружиться? — О, да! — И ты знаешь, что такое быть другом? — Да. Это значит — быть другом. — Нет. Этого недостаточно. Друг — это человек, который верен своему другу во всех обстоятельствах жизни, который готов всё делать, чтобы его не разочаровать, его не обмануть, остаться при нём, если все другие от него отвернутся. Друг — это человек, который верен своему другу до конца. Вот представь: ты в школе. Если бы Христос был простым мальчиком, и весь класс на Него ополчился, что бы ты сделал? У тебя хватило бы верности и храбрости стать рядом с Ним и сказать: если вы хотите Его бить, бейте

и меня, потому что я — с Ним? Если ты готов быть таким другом, то ты можешь сказать: да, я друг Христов, и уже ставить перед собой вопросы для твоей исповеди. Читай Евангелие! Ты можешь узнать из него о том, как можно прожить, чтобы в самом себе не разочароваться; как можно прожить, чтобы Он радовался за тебя, видя, какой ты человек, каким ты стал ради этой дружбы. Ты понимаешь это? — Да. — Ты готов на это идти? — Да.

Всё равно...

«Мне, — говорил митрополит Антоний, — вспоминается один случай. Много лет назад (ещё в 20-х годах) был съезд русского студенческого христианского движения. На этом съезде присутствовал один замечательный священник — отец Александр Ельчанинов. К нему пришёл на исповедь офицер и сказал: «Я могу вам выложить всю неправду моей жизни, но я её только головой сознаю. Моё сердце остаётся совершенно нетронутым. Мне ВСЕ РАВНО. Головой я понимаю, что это всё зло, а душой никак не отзываюсь: ни болью, ни стыдом. И отец Александр сказал потрясающую вещь: «Не исповедуйтесь мне. Это будет совершенно напрасное дело. Завтра, перед тем, как я буду служить литургию, вы выйдите к Царским Вратам. И когда все соберутся, вы скажите то, что вы только что сказали мне, и исповедуйтесь перед всем собравшимся съездом». Офицер на это согласился, потому что он чувствовал себя мертвецом; он чувствовал, что в нём жизни нет, что у него только память и голова, а сердце мёртво и жизнь в нём погасла. И всё же он вышел от священника с чувством ужаса. Офицер думал, что начини он сейчас говорить, и весь съезд от него отвернётся. Все с ужасом посмотрят на него и подумают: «Мы считали его порядочным человеком, а какой он негодяй, он не только негодяй, но и мертвец перед Богом». Но он пересилил свой страх и ужас, встал и начал говорить. И случилось для него самое неожиданное. В момент, когда он сказал, зачем он встал перед Царскими Вратами, весь съезд обратился к нему сострадательной любовью. Он почувствовал, что всё ему открылось, что всё открыли объятия своего сердца, что все с ужасом думают о том, как ему больно, как ему страшно. Он разрыдался и в слезах произнёс свою исповедь, и для него началась новая жизнь».

Митрополит Антоний Сурожский. «Ступени». М., 1998

Впустить в себя свет

Ещё об исповеди у владыки Антония «Ко мне приходит ребёнок и говорит: — Я всматриваюсь во всё зло, которое во мне есть, и не умею его искоренить, вырвать из себя. Я его спрашиваю: — А скажи, когда тыходишь в тёмную комнату, неужели ты машешь в ней белым полотенцем в надежде, что тьма рассеется? — Конечно, нет! — А что ты делаешь? — Я открываю ставни, я открываю занавески, я открываю окна. — Вот именно! Ты проливаешь свет туда, где была тьма. Так же и тут. Если ты хочешь по-настоящему каяться, исповедоваться по истине и меняться, тебе не надо сосредотачиваться только на том, что в тебе плохо. Тебе нужно впустить в себя свет. А для этого нужно обратить внимание на то, что у тебя уже есть светлого. И во имя этого света бороться со всей тьмой, которая в тебе есть. — Да, но как это сделать? Неужели я буду думать о себе, что вот я такой хороший в том или другом отношении? — Нет. Читай Евангелие и отмечай в нём те места, которые ударяют тебя в душу, от которых трепетно делается на сердце, от которых ум светлеет, которые подстёгивают твою волю к желанию новой жизни. И знай, что в этом слове, в этом образе, в этой заповеди, в этом примере Христа ты нашёл в себе искорку Божественного света. И осквернённая, потемневшая икона, которой ты являешься, просветлела. Ты уже немножко становишься похожим на Христа, в тебе понемногу начинает проявляться образ Божий. А если так, то запомни это. Если ты будешь грешить, то будешь осквернять святыню, которая в тебе уже есть, уже живёт, уже действует, уже растёт. Ты будешь тушить в себе образ Божий, тушить свет или окружать его тьмой. Этого ты не делай. Если ты будешь верен тем искрам света, которые в тебе уже есть, то постепенно тьма вокруг тебя будет рассеиваться. Во-первых, там, где свет, тьма уже рассеяна. Во-вторых, когда ты обнаружишь в себе какую-то область света, чистоты, правды, когда ты смотришь на себя и думаешь, что ты на самом деле настоящий человек, тогда можешь начинать бороться с тем, что наступает на тебя подобно врагам, наступающим на город, затемняя этот свет в тебе. Вот ты уже научился почитать чистоту, и вдруг в тебе поднимается грязь мыслей, телесных желаний, чувств, чувствительности. В этот момент ты себе можешь сказать: НЕТ, я обнаружил в себе искорку целомудрия, искорку чистоты, желание кого-то полюбить без того, чтобы этого человека осквернить даже мыслью, не говоря уже о прикосновении. Эти мысли я допустить в себе не могу, не стану, буду бороться против них. Для этого я обращаюсь ко Христу и буду кричать Ему: «Господи, очисти! Господи, спаси! Господи, помоги!» И Господь поможет. Но Он не поможет тебе прежде, чем ты сам не поборешься с искушением. Есть рассказ в жизнеописании преподобного Антония Великого, как он отчаянно боролся с искушением. Боролся так, что, наконец, в изнеможении упал на землю и лежал без сил. Вдруг перед ним явился Христос, и, не имея сил подняться к нему, Антоний Ему говорит: «Господи, где же Ты был, когда я так отчаянно боролся?» Христос ему ответил: «Я стоял невидимо рядом с тобой, готовый вступить в бой, если бы ты только сдался. Но ты не сдался, и ты победил».

Если священник любит кающегося

«Мне, — говорил тот же владыка Антоний, — вспоминается один подвижник, которого однажды спросили: «Каким это образом бывает, что каждый человек, который к тебе приходит и рассказывает о своём житье-бытье, даже без чувства покаяния и сожаления, вдруг становится охвачен ужасом перед тем, каким он является грешником? Он

начинает каяться, исповедоваться, плакать и меняться». Этот подвижник сказал замечательную вещь: «Когда человек ко мне приходит со своими грехами, я этот грех воспринимаю как свой, потому что этот человек и я — едины. И те грехи, которые он совершил действием, я непременно совершил мыслью или желанием, или поползновением. И потому я переживаю его исповедь как свою собственную. Я иду ступенька за ступенькой в глубины его мрака. Когда я дохожу до самой глубины, я связываю его душу со своей и каюсь всеми силами своей души в грехах, которые он исповедует и которые я признаю за свои. Он тогда охватывается моим покаянием и не может не каяться. Он выходит освобождённым, а я по-новому каюсь в своих грехах, потому что мы с ним едины сострадательной любовью».

Исповедь «по списку»

«Ко мне иногда приходят люди, — говорит владыка Антоний, — которые вычитывают мне длинный список грехов, какие я уже знаю, потому что у меня те же самые списки есть. Я их останавливаю: «Ты не свои исповедуешь грехи, — говорю я им. - Ты исповедуешь грехи, которые можно найти в молитвенниках. Мне нужна ТВОЯ исповедь, вернее, Христу нужно твоё ЛИЧНОЕ покаяние, а не общее трафаретное. Ты не чувствуешь, что ты осуждён Богом на вечную муку из-за того, что ты не вычитывал вечерних молитв или не читал канона, или не постился». Как же быть? Может быть, прежде, чем писать список грехов, сесть и продумать: всё ли из перечисленного у меня было? И начать с того, что более всего тяготит, или чаще случается. — А если не тяготит особенно что-то конкретное, а общая туга, тяжёсть на душе? — Тогда, может быть, стоит спросить себя, живу ли я по вере? И вообще, какое место вера занимает в моей жизни? И вообще, что она значит для меня? Может быть, с такой греховной запущенности и надо начать? Покаяться в том, что живу так, будто нет у меня ни Бога, ни совести, ни страха перед окончательным Последним Судом Божиим... Это в каждом случае у каждого по-разному, но общим может быть одно: проверить себя, проверить честно и откровенно, понять, что исповедь — не нудный долг, а великое благо, способное исцелить душу и готовиться к ней со всей серьёзностью, на которую человек способен. Тогда список может поредеть, а сознательное покаяние разбудит в душе жажду очищения и помощи Божией, без которой жить и крепнуть в вере нельзя. Тогда исповедь станет праздником, а храм — больницей души, за которую можно только благодарить Творца.»

Оскоромился!

«Иногда бывает так, — вспоминает митрополит Антоний, — человек старается поститься, потом срывается и чувствует, что он осквернил весь свой пост, и ничего не остаётся от его подвига. На самом деле всё совершенно не так. Бог иными глазами на него смотрит. Это я могу пояснить одним примером из своей собственной жизни. Когда я был доктором, то занимался с одной очень бедной русской семьёй. Денег я у неё не брал, потому что никаких денег не было. Но как-то в конце Великого поста, в течение которого я постился, если можно так сказать, зверски, т. е. не нарушая никаких уставных правил, меня пригласили на обед. И оказалось, что в течение всего поста они собирали гроши для того, чтобы купить маленького цыплёнка и меня угостить. Я на этого цыплёнка посмотрел и увидел в нём конец своего постного подвига. Я, конечно, съел кусок цыплёнка, я не мог их оскорбить. Я пошёл к своему духовному отцу и рассказал ему о том, какое со мной случилось горе, о том, что в течение всего поста постился, можно сказать, совершенно, а сейчас, на Страстной седмице, я съел кусок курицы. Отец Афанасий на меня посмотрел и сказал: — Знаешь что? Если бы Бог на тебя посмотрел и увидел бы, что у тебя нет никаких грехов и кусок курицы тебя может осквернить, Он тебя от неё защитил бы. Но Он посмотрел на тебя и увидел, что в тебе столько греховности, что никакая курица тебя ещё больше осквернить не может. Я думаю, что многие могут запомнить этот пример, чтобы не держаться устава слепо, а быть, прежде всего, честными людьми. Да, я съел кусочек этой курицы, но я съел не как скверну какую-то, а как дар человеческой любви. Я помню место в книгах отца Александра Шмемана, где он говорит, что всё на свете есть ни что иное, как Божия любовь. И даже пища, какую мы вкушаем, является Божественной любовью, которая стала съедобной».

О доверии священнику

Когда-то подобный вопрос задали архиепископу Полтавскому Феофану (Быстрову). Он в своём письме ответил: «Не нужно этого делать (т. е. каяться священнику в том, что имеешь что-либо против него). От этого получится один только вред и никакой пользы. Достаточно покаяться в общей форме, не указывая личностей».

«Духовник Царской семьи». М., 1996

Если священник... нетрезв

Тот же архиепископ Феофан рассказывал, что он, ещё учась в Санкт-Петербургской Духовной Академии, однажды пришёл на исповедь к одному из иеромонахов Александро-Невской Лавры. Подойдя к аналою, понял, что иеромонах нетрезв. Не смущаясь этим, студент Василий Быстров (будущий владыка Феофан) как ни в чём не бывало поисповедовался, взял благословение и спокойно ушёл. Когда он пришёл в следующий раз, тот иеромонах до земли поклонился студенту, прося прощения. При этом иеромонах воздал должное Василию за правильное отношение к

случившемуся, за то, что он не смутился и не осудил его. Всё случилось неожиданно и для самого духовника. Он не знал слабости своего организма и опьянел от малого (значит — это для него было редкостью, или даже вообще в первый и единственный раз). А молодой человек проявил мудрость, памятуя о том, что на исповеди человек предстоит Богу, а не человеку.

Мы видим грех, но не видим покаяния

Судить о священнике только по его жизни или по тому, что видишь в его жизни, нельзя, потому что ты видишь внешность. Скажем, ты видишь, что он грешный человек, а разве ты видишь, как он плачет пред Богом, как он страдает о своём падении или о своей слабости? У меня есть тому очень поразивший меня пример. У нас в Париже был священник, который отчаянно пил — не всё время, но когда запивал, то запивал крепко. Я тогда был старостой, он приходил в храм на службы в таком виде, что качался на ногах, я его ставил в угол и становился перед ним, чтобы он не упал. Мне тогда было лет 20 с небольшим, у меня понимания было очень мало; мне его было жаль как человека, потому что я его любил, вот и всё. Потом случилось так, что нашего приходского священника немцы взяли в тюрьму, и этого пившего священника попросили его заменить. Он тогда бросил пить; он служил. Я к нему пошёл на исповедь сразу после того, как его назначили, потому что не к кому было идти. Я шёл к нему с мыслью, что я исповедуюсь Богу. Священник, как говорится в увещании перед исповедью, только свидетель, значит, он будет свидетельствовать перед Богом в день Суда о том, что я сделал всё, что мог, чтобы сказать правду о своём достоинстве, о своих грехах. Я начал исповедоваться, и я никогда не переживал исповедь, как в тот день. Он стоял рядом со мной и плакал — не пьяными слезами, а слезами сострадания, в самом сильном смысле сострадания. Он со мной страдал о моей греховности больше, чем я умел страдать, он страдал всем страданием собственной жизни за мою греховность, и он плакал всю исповедь. И когда я кончил, он мне сказал: «Ты знаешь, кто я такой. Я не имею никакого права тебя учить, но вот что я тебе скажу: ты ещё молод, в тебе есть ещё вся сила жизни, ты всё можешь осуществить, если только будешь верен Богу и верен себе. Вот что я тебе должен сказать...» И он мне сказал многое истинное. На этом кончилась исповедь, но я никогда не забывал этого человека и то, как он смог надо мной плакать, будто над мертвецом, будто над человеком, который заслуживает вечного осуждения, если только не исправится. А впоследствии я совсем иначе стал о нём думать. Он был молодым офицером во время гражданской войны. Во время отступления войск из Крыма он на военном судне уходил в Константинополь. На другом корабле были его жена и дети, и он видел, как этот корабль утонул. Перед его глазами утонули его жена и дети... Разумеется, люди, ничего не испытавшие подобного, но святоши, могут сказать: «А Иов? Он ещё хуже пострадал. Почему этот священник не стал подобен Иову?» Я одному человеку на это ответил: «Ты сначала испытай его горе, а потом будешь о нём судить». С тех пор, как я узнал о его трагедии, у меня никогда язык не повернулся осудить его за то, что он запил. Да, горе было такое, ужас был такой, — что он не выдержал. Но он остался верен Богу. Он остался священником, вернее, он стал священником для того, чтобы разделить с другими людьми их трагедию, их греховность и покаяние. Дай Бог нам больше таких священников».

Митрополит Антоний Сурожский. Царственное священство мирян. «Альфа и Омега». 1998. № 1

«Не буду исповедоваться!»

«Однажды, — вспоминает митрополит Вениамин (Федченков), — приходит ко мне молодая женщина лет двадцати пяти. И просит меня исповедать её. — Ну хорошо, — ответил я. — Только сначала немного побеседуем перед исповедью. Через каких-нибудь 5-10 минут я предложил ей исповедоваться. Вдруг она заявила мне: — А исповедоваться у вас я не буду! — Почему?! — удивляюсь я. — Потому что я шла исповедоваться к незнакомому духовнику; а с вами поговорила 5 минут, и мне кажется, что я знакома с вами уже 20 лет, и мне стыдно будет исповедоваться. Я начал доказывать ей неправильность её настроения, но — напрасно, — Нет, нет! — настаивала она. — Не буду исповедоваться! Понимая причину её смятения, я решил помочь ей. — Ну хорошо! Вы не будете сами говорить о грехах. Вот станем на коленочки, и я буду говорить ваши грехи, вы же молчите. А если я скажу что неверно, тогда вы ответьте «нет!». Она легко согласилась. Конечно, я не прозорливец, а говорил об общих грехах. Она молчала сначала. Потом после какого-то вопроса ответила: — Нет! Этого не было. — Ну и слава Богу, — спокойно ответил я. Вдруг она добавила: — Нет, нет, подождите, подождите! Припомнила: и это было! — Ну вот и хорошо, что вспомнили. Исповедь кончилась».

Митрополит Вениамин (Федченков). «Записки епископа»

У Лаврского духовника

Осенью 1905 года братским духовником Троице-Сергиевой Лавры стал иеромонах Ипполит (Яковлев). Вскоре стал он духовником и Духовной Академии. Вот как вспоминал о нём тогдашний студент-первокурсник Академии С. А. Волков: «Когда я, поступив на первый курс, услышал о нём (иеромонахе Ипполите) от своих студентов-монахов, то полюбостествовал, в какой академии он обучался. Мне сказали, что у него только семинарское образование. Я очень удивился, как духовником не только студентов, но и профессоров может быть монах-простец и сообщил своё

недоумение своим друзьям. Они познакомили меня с монастырским «старчеством», о котором я читал в романе Достоевского «Братья Карамазовы», будучи ещё наивным гимназистом, и потому не сумел не только оценить, но даже мало-мальски понять его. «Вот погодите, — говорили мне монахи, — побываете у него на исповеди и тогда поймёте». Вскоре наступила первая неделя Великого поста. Я исповедовался отцу Ипполиту, рассказал обо всём, что меня волновало и смущало в новой обстановке, — и вышел от него успокоенный, с ясной душой. Тут я понял, что кроме обычного богословского подхода к религиозным вопросам, ко всей религиозной жизни, есть особый духовный подход, несравненно высший и благодатный. Отец Ипполит так ласково расспросил меня о всех моих тревожностях, так глубоко понял всё и так просто и благодатно разрешил все мои недоумения, что я был просто поражён. Чувствовалась в его словах высшая мудрость человека, руководящая не только разумом, но и сердцем и тою силою, которую иначе и не назовёшь, как «Великое в малом»...

Воспоминания о Московской Духовной академии 1917-1920 гг. Машинопись. 1965

Чаша спасения

Желание причаститься Святых Тайн — это прежде всего выражение благодарности Богу за всё, что Он даёт нам. Призывая всех: «Приидите, ядите...», Он не только позволил, но и повелел, чтобы мы смотрели на предлагаемый Хлеб, о Котором Он сказал: «егоже Аз дам» (Ин. 6, 51) как на Хлеб Насущный, необходимый всем для уврачевания наших немощей, особенно душевных. И не только так смотрели, но и часто приступали к Его трапезе. Продолжая Свой призыв, Господь говорит о Чаше: «Пиите от нея вси», включая в число призываемых и младенцев, и самых немощных. Исключение здесь только для тех, кто не верует и не пребывает в единении церковном. А обычное: «недостойн»? Во-первых, нет достойных, так как нет безгрешных. Во-вторых, оправдываясь недостойнством и отлагая покаяние, усердие сделать всё, что в силах, на неопределённое будущее, каждый только умножает и увеличивает свою беспечность. В-третьих, кто хочет стать достойнее и чище, тому надо не удаляться от Господа, а стремиться к Его помощи, силе, благодати, делая со своей стороны всё, что может. Нежелание отозваться на призыв Господа — это наша неблагодарность, подобно евангельским званым, ответившим: «Имей мя отречена» (Лк. 14,18). Желание чаще причащаться надо в себе возбуждать, сохраняя в душе страх своего недостойнства, и веру в благодать Божию, и жажду любви к Господу, «Которого Плоть и Кровь есть истинный Хлеб жизни и единственная чаша спасения».

Митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов). Слова и речи. Т. 4. М., 1882. С. 37-41

В Данилове на исповеди

Игуменья Иулиания вспоминает те годы, когда настоятелем Данилова монастыря был владыка Феодор. Отец Симеон, друг владыки Феодора, жил тогда с ним в Данилове монастыре. Иногда, когда был в силах, исповедовал. Вот как у него проходила исповедь. «Вся обстановка исповеди и самая исповедь у батюшки была особенная. Когда вы приходили, он надевал, лёжа на своей кровати, епитрахиль (в годы революции, в 1906 году отец Симеон был ректором Тамбовской семинарии. На него устроили покушение, пуля попала в позвоночник, и он до конца дней не владел ногами) и тушил электричество. Горела одна лампадка в киоте. Отец Симеон читал молитвы перед исповедью всегда наизусть, и начиналась исповедь с того, что он перечислял все те грехи, которыми он был грешен перед вами как духовник, и просил прощения. Потом он обычно сам начинал спрашивать, но спрашивал так, что вы, конечно, во всём были грешны. Батюшка не спрашивал, как многие другие духовники и старцы: — Не оклеветали ли кого-нибудь? А спрашивал: — Не обидели ли кого-нибудь хотя бы выражением своего лица? Не спрашивал: «Не лгали ли?», а ставил вопрос так: «Не прибавили ли, когда говорили, или в свою пользу, или чтобы было интереснее?» Если вы были больны, не спрашивал: «Не роптали ли на Бога?», а спрашивал: «Вы были больны? А Бога благодарили?» Всё перечислить нет возможности. В конце исповеди у вас оказывалось такое множество грехов, что все ваше самомнение, какое у вас было, исчезало, и вы вдруг вспоминали ещё куда больше своих грехов, чем перечислил батюшка».

Игуменья Иулиания. Приложение к книге «Воспоминания». «Схиархимандрит Гавриил, старец Спасо-Елеазаровой пустыни»

Как часто можно причащаться?

На вопрос: что лучше — причащаться часто или редко? в «Правилах Православной Церкви» нет прямого ответа, а только делается общее указание о необходимости предварительного очищения. Таким образом, можно сказать, что канонические правила отнюдь не возбраняют частого причащения, но располагают к нему лишь при условии соответствующей настроенности. В пользу частого причащения высказывались преподобный Серафим Саровский и, конечно, отец Иоанн Кронштадтский. Дозволительность и желательность возможно частого причащения для мирян является канонически установленной и соответствует практике древней Церкви. Не может быть против этого приведено и каких-либо догматических оснований. Соединение со Христом в святейшем Таинстве Евхаристии есть

для христиан источник сил и радостей радость. Евхаристический голод и жажда, стремление к принятию Святых Тайн должны быть естественным состоянием для христианина и в известном смысле являются мерой его духовного возраста. Конечно, он должен приступить «со страхом Божиим», с покаянной молитвой о своих грехах и чувством своего глубочайшего не достоинства, но и с верой, что Господь пришёл в мир «грешников спасти». Должно со всей серьёзностью и ответственностью приготавливаться к причащению, но не нужно и себя запугивать, как и не нужно отпугивать греховностью. «Я не готов». «Никогда и не будешь готов», — был ответ мудрого старца на естественное сомнение мирянина. Лукавство человеческой совести скорее делает то, что она глубже погружается в сон, если знает, что она имеет пред собою долгое время, и, напротив, поддерживается в большем напряжении необходимостью чаще ставить себя пред судом Божиим. В наше время уже пробуждена эта спасительная жажда частого причащения и долгом постоянства является не задерживать и не угашать её, но скорее поддерживать и уж во всяком случае удовлетворять. Больше того, пастырь должен призывать к Святым Тайнам, поощряя более частое причащение в меру не наименьшей, но наибольшей возможности для каждого и уж во всяком случае не связывая его никакими формальными ограничениями...

Протоиерей Сергей Булгаков

Из «Исповедного листка» обители св. Пантелеймона

Благослови, Господи, исповедаться Тебе не словами только, но и горькими слезами сердца. Прости, Господи, за маловерие и неверие, за то, что не борюсь с неверием, не молюсь Тебе, прошу помощи и укрепления в вере. Более того, грешу тем, что являюсь для других соблазном делами, с верою несовместимыми; словами, в которых холодность и безразличие ко всему, что должно было бы являть ревность о Боге. Прости и помилуй, Господи, и приложи мне веру. Прости, Господи, за ослабление любви к людям. То, что прежде делалось легко, теперь больше раздражает. Помощь родственникам кажется бесконечной. Их просьбы только напоминают о том, что для них делалось. Возникает досада на неблагодарность, ненасытность с их стороны, недовольство, которое растёт с обеих сторон. Замечаю за собой, что мне не хочется помогать кому бы то ни было бескорыстно, если же что приходится сделать, то с желанием похвалы, благодарности, а не по сознанию христианского долга. Прости, Господи, и смягчи моё сердце. Прости, Господи, за то, что мне трудно смотреть на то, как ко мне относятся. Знаю, что надо более думать о том, как я отношусь, меня же задевает всякое, даже малейшее невнимание. Помогите, Господи, мне и при враждебном ко мне отношении по-доброму относиться к людям и молиться за них. Прости, Господи, за то, что мало думаю о грехах своих. Хочется всегда в своё оправдание сказать, что нет у меня ничего особенного. И хотя знаю, что и всякое праздное слово — грех, и греховная мысль — тоже, и воображение, и воспоминание о греховном — грех. Таких «незаметных» грехов накапливается очень много, а мне хочется на всё найти для себя оправдание в обстановке, в занятости, усталости, в неспособности жить внимательно и ответственно. «Господи, даруй ми зрети моя прегрешения», пощади, помилуй и прости. Прости меня, Господи, за то, что почти не борюсь со злом. Малейший повод — и я лечу в бездну греха и если потом чувствую скорбь, то больше потому, что страдает моё самолюбие, а не потому, что я сознаю, что оскорбил Тебя, Господи! И не только со злом в грубой форме, но даже с пустой и вредной привычкой не хочется бороться. Прости, Господи! Прости, Господи, что не борюсь с раздражительностью, не хочу терпеть по отношению к себе ни одного резкого слова. Вместо того, чтобы промолчать, стараюсь так ответить, чтобы другой чувствовал, как обижать меня! И потому иногда из-за пустяков портятся отношения, но я себя считаю правым и не спешу мириться. Прости меня, Господи! Умири моё сердце! Кроме того, грешу всю жизнь неумением дорожить временем, не ищу помощи Божией от всей души, стою невнимательно в храме, молюсь машинально, осуждаю других, не слежу за собой. Дома молиться не хочется, и если себя всё-таки заставляю прочитать молитвы, то с великим понуждением и рассеянностью читаю, не слыша, что читаю сам и не хочу вникать в смысл. Часто и совсем пропускаю их и не чувствую от этого потери. Прости, Господи, и помилуй. В отношении с людьми грешу языком, говоря ложь, соблазняя, пустословя и насмехаясь над другими. Грешу зрением, позволяя себе читать пустые романы, поглядывать на других без стыдливости и скромности; грешу умом и сердцем, осуждая других, враждуя, оправдываясь. Грешу и неводержанием в пище и питии, предпочитая что-то лакомое, не умея и не желая довольствоваться простой пищей и в меру. Прости, Господи, и приими моё покаяние и сподоби причаститься Святых Тайн во оставление грехов и в жизнь вечную. Аминь.

Как готовиться к исповеди

Об этом рассказывает нам Странник в своих известных «Откровенных рассказах странника духовному своему отцу», несколько раз переиздававшихся, в наше время доступных для всех любителей душеполезного чтения. Однажды Странник прибыл в Киев и решил там причаститься. Целую неделю он готовился, намереваясь как можно подробнее вспомнить все грехи. Решил начать с юности и написал обо всём очень подробно. Получился у него большой лист. Пока жил он в Киеве, успел узнать, что в семи верстах от города, в Китаевой пустыни, есть опытный духовник, который всех принимает и даёт полезные советы. Странник отправился туда, побеседовал с ним и отдал ему свой лист. Когда духовник прочитал его, то сказал, что здесь много пустого написано, поэтому настоятельно попросил запомнить главное. Нельзя говорить о тех грехах, в которых прежде каялись, если они, конечно, не повторялись. Не надо говорить о других, стараясь всё подробнее объяснить, обвинять надо только себя и только в своих грехах

каяться. Не полезно подробно описывать свои грехи, а о некоторых можно сказать лишь одним словом (это относится к области нечистых мыслей и дел, а также — к хульным помыслам). Подробное описание грехов может вредить и кающемуся, как бы усиливая грязь греха, и слушающему — духовнику. Каясь во всём, нельзя забывать о том, что при покаянии не должно быть холодного перечисления грехов. Если же получается так, то надо каяться и в этом, то есть в нечувствии на исповеди, в недостатке усердия, холодности сердца. Каясь в обычных проступках, следует помнить, что есть страшные, хотя и почти несознаваемые грехи. В них — «вся бездна зла и всё наше душевное развращение». К таким относятся: недостаточная любовь к Богу (если она вообще есть, хотя бы и малая); нелюбовь к ближнему; неверие Слову Божию; гордыня и честолюбие. Странник особенно последнему замечанию удивился и решил объяснить старцу: «Помилуйте, как не любить Бога? Чему же ещё и верить, как не Слову Божию? А ближнему я желаю добра, гордиться же мне нечем. И куда мне по моей бедности и хворости сластолюбствовать и похотствовать? Конечно, если бы я был образованный или богатый, то, неспорно, был бы виноват против сказанного Вами». Старец пожалел, что тот плохо его понял и предложил ему прочитать «Исповедь внутреннего человека, ведущую ко смирению», по которой он и сам исповедовался. «Исповедь» начиналась перечислением тех же грехов, (недостаточно люблю Бога, ближнего, полон гордости и сластолюбия), к правильной оценке которых приходишь, «внимательно обращая взор свой на самого себя». Далее разбирался каждый из них:

«Я не люблю Бога».

И действительно, если бы любил, то постоянно думал бы о Нём «с сердечным удовольствием». Я же гораздо чаще думаю о житейских делах, думаю охотно, а о Боге вспоминать мне не хочется, кажется это скучным и трудным. Если бы я любил Бога, то любил бы в молитве Ему изливать душу, а я молюсь с трудом, чувствую, что мне совсем не хочется на молитву «терять время». Борюсь с этим (если ещё борюсь!?), но только из чувства долга. Любим пустяковым занятием могу увлечься и потерять сколько угодно времени, а молиться мне трудно, скучно и час за год кажется. Если бы я любил Бога, то помнил бы о Нём при любом своём деле, как помнят о близких, родных, друзьях. Я же охотнее интересуюсь новостями, готов со вниманием слушать о любых происшествиях, готов с головой уйти в изучение науки или искусств, или какого-либо ремесла, словом — готов заняться чем угодно, а поучиться в Законе Господнем не только «день и ночь», но и час для меня труд великий и страшная лень. Как в таком случае не согласиться, что, действительно, Бога я не люблю...

«Я не люблю ближнего».

Если бы я его любил, да ещё так, как заповедует Евангелие (душу положить за ближнего), то горе ближних было бы моим горем, а радость их приводила бы меня в восхищение. Я же охотнее выслушаю повесть о чужих несчастьях, может быть, пожалею на словах и тут же забуду. Чьи-то успехи скорее вызовут у меня зависть, которую я постараюсь прикрыть презрением. Если бы я любил ближних, то не спешил бы никого осуждать, не переносил бы сплетен, не позволял бы себе домысливать, когда нет точных сведений, пытаться представить всё по собственному пониманию.

«Я не верю Евангелию и бессмертию».

Если бы я по-настоящему верил в будущую жизнь, то на здешнюю жизнь смотрел бы как на дорогу, не расстраиваясь особенно из-за житейских невзгод. Если мне и кажется, что я искренно верю Евангелию, то это больше умом, а сердце занято заботами об устройстве здешней жизни. Если бы я верил Евангелию серьёзно и всем сердцем, то охотно бы читал, изучал его, интересовался всем, что относится к толкованию Евангелия; а я охотнее читаю более лёгкую литературу, мне доставят удовольствие повести или романы, где занимательные сюжеты и где не требуется работы над собой. Евангелие же надо читать жизнью, то есть жить по заповедям Господним, что, конечно, значительно труднее бездумного и бесцельного существования.

«Я преисполнен гордости и чувственного себялюбия».

Конечно так, стоит только честно понаблюдать за собой. Если что-то хорошее сделаю — хочу, чтобы другие заметили и отметили. Не заметят — в душе хвалюсь, считая себя — свои знания, свой опыт, способности — достойным уважения, почитания, почти преклонения. Если замечу в себе недостатки — поспешу извинить их обстоятельствами, недочётами в воспитании, о котором недостаточно позаботились родители. Если не удастся этим оправдаться, сошлюсь на «невинность», словом, за оправдывающими и смягчающими обстоятельствами дело не станет. Если замечу, что меня не уважают, оскорбляюсь нечувствительностью других, неумением ценить достойных (в их числе себя, конечно!). Если при мне кого-то хвалят, охотно вспомню недостатки этого человека или с удовольствием прислушаюсь к тем, кто его готов опорочить из-за действительных или выдуманных его слабостей. Короче говоря, в каждом слове и деле, и даже мысли звучат гордыня, тщеславие, самолюбие, славословие, то есть постоянно возвращается идол из собственных страстей, ему я служу, охотно признавая, что он — это я. Где уж думать о том, что Господь почтил каждого Своим образом и заповедал трудиться над тем, чтобы подобие Ему было вожделенно? Что же сказать о себе, о своей невнимательной и безрассудной жизни?.. Когда Странник прочитал эти листки, то ужаснулся: «Боже мой! Какие страшные кроются во мне грехи, и до сих пор я их не замечал!» Тогда он обратился к духовнику за советом, как же исправиться. На это тот ответил: «Видишь ли, причина отсутствия любви — неверие,

причина неверия — отсутствие убеждённости, а её нет от нерадения о просвещении духовном». Получается так: не веря — нельзя любить, не убедаясь — нельзя верить. А чтобы убедиться, надо больше знать, больше думать, больше изучать, возбуждать в душе жажду познания. Потому и многие из перечисленных грехов от лени думать о духовном, которая гасит и чувство потребности в этом. «Сколько бедствий встречаем мы от того, что ленимся просвещать душу словом истины, не поучаясь в законе Господнем день и ночь». Потому душа голодна, холодна и бессильна. Итак, надо больше размышлять о серьёзных, жизненно-необходимых (в нашей вечной жизни) вопросах и больше молиться. Не зря же Церковь учит просить так: «Господи, сподоби мя ныне возлюбити Тя, якоже возлюбих иногда той самый грех!».

Слово о покаянии митрополита Антония Сурожского

Когда мы поступаем нехорошо, когда говорим не должное, когда тёмные мысли роятся у нас в голове или сходит на сердце помрачение, мы, если хоть немножко просветимся, начинаем чувствовать угрызение совести. Но угрызения совести — это ещё не покаяние, к нему должно прибавить нечто другое, а именно — обратиться лицом к Богу с надеждой призвать Его на помощь. Но и это ещё не всё, потому что многое в нашей жизни зависит от нас самих. Как часто мы говорим: «Господи, помоги! Господи, дай мне терпеть, дай мне целомудрие, дай мне чистоту сердца, дай мне слово правдивое!» А когда представится возможность поступить согласно нашей собственной молитве, по влечению нашего собственного сердца, у нас не хватает мужества, не хватает решимости НА ДЕЛЕ приступить к тому, о чём мы просим Бога. И тогда наше покаяние, наш взлёт души остаётся бесплодным. Покаяние должно начинаться именно с этой надежды на любовь Божию и вместе подвигом, мужественным подвигом, когда мы самих себя принуждаем жить так, как надо, а не так, как мы жили до сих пор. БЕЗ ЭТОГО и Бог нас не спасёт, потому что, как говорит Христос, не всякий говорящий «Господи, Господи!» войдёт в Царство Божие, а тот, кто принесёт плод его. А плоды эти мы знаем: мир, радость, любовь, терпение, кротость, воздержание, смирение — все эти дивные плоды, которые могли бы нашу землю уже теперь превратить в рай, если бы только, как древо плодоносное, мы могли их принести... Таким образом, покаяние начинается с того, что вдруг в душу нам ударит, заговорит совесть, окликнет нас Бог и скажет: «Куда идёшь? К смерти? Того ли ты хочешь?» И когда мы ответим: «Нет, Господи, — прости, помилуй, спаси!» — и обратимся к Нему, Христос нам говорит: «Я тебя прощаю! А ты — из благодарности за такую любовь, не по страху, не ради того, чтобы себя избавить от муки, а потому что в ответ на Мою любовь ты способен на любовь, начни жить иначе...» И что же дальше? Первое, чему мы должны научиться — это принимать всю нашу жизнь: все её обстоятельства, всех людей, которые в неё вошли — иногда так мучительно — принять, а не отвергнуть. Пока мы не примем нашу жизнь, всё без остатка её содержание, как от руки Божией, мы не сможем освободиться от внутренней тревоги, от внутреннего плена и от внутреннего протеста. Как бы мы ни говорили Господу: Боже, я хочу творить Твою волю! — из глубин наших будет подниматься крик: но не в этом! Не в том! Да, я готов принять ближнего моего — но не этого ближнего! Я готов принять всё, что Ты мне пошлешь — но не то, что Ты на самом деле мне посылаешь. Как часто в минуты какого-то просветления мы говорим: Господи, я теперь всё понимаю! Спаси меня, любой ценой меня спаси! Если бы в этот момент перед нами вдруг предстал Спаситель или послал Ангела своего или святого, который грозным словом нас окликнул, который требовал бы от нас покаяния и изменения жизни, мы это, может, и приняли бы. Но когда вместо Ангела, вместо святого, вместо того, чтобы Самому прийти, Христос посылает нам ближнего нашего, причём такого, кого мы не уважаем, не любим, и который нас испытывает, который ставит нам уже ЖИЗНЕННО вопрос: а твоё покаяние — на словах или на деле? — мы забываем свои слова, мы забываем свои чувства, мы забываем своё покаяние и говорим: Прочь от меня! Не от тебя мне получать наказание Божие или наставление, не ты мне откроешь новую жизнь... И проходим мимо и того случая, и того человека, которого нам послал Господь, чтобы нас исцелить, чтобы мы СМИРЕНИЕМ вошли в Царство Божие, понесли бы последствия нашей греховности с терпением и готовностью всё принять от руки Божией. Если мы не примем нашей жизни от Божией руки, если всё, что в ней, мы не примем как от Самого Бога, тогда жизнь не будет нам путём к вечности; мы всё время будем искать другого пути, тогда как единственный путь — Господь Иисус Христос. Но этого ещё недостаточно. Мы окружены людьми, с которыми отношения наши порой бывают тяжки. Как часто мы ждём, чтобы другой пришёл каяться, просил прощения, унизил себя перед нами. Может быть, мы простили бы, если бы почувствовали, что он себя так унизил, что нам легко его простить. Но прощать надо не того, кто заслуживает прощения, — разве мы от Бога можем ожидать прощения заслуженного? Разве, когда мы к Богу идём и говорим: Господи, спаси! Господи, прости! Господи, помилуй! — мы можем прибавить: потому что я этого заслуживаю?! Никогда! Мы ожидаем от Бога прощения по чистой, жертвенной крестной Христовой любви... Этого же от нас ожидает Господь по отношению к каждому нашему ближнему; не потому нам надо прощать ближнему, что он заслуживает прощения, а потому, что мы — Христовы, потому что нам дано именем Самого Живого Бога и распятого Христа — ПРОЩАТЬ. Но часто кажется: вот, если бы только можно было ЗАБЫТЬ обиду, тогда бы я простил, но ЗАБЫТЬ не могу, — Господи, дай мне забвение!.. Это не прощение; забыть — не значить простить. Простить означает посмотреть на человека как он есть, в его грехе, в его невыносимости, какой он есть для нас тяжестью в жизни, и сказать: я тебя понесу, как крест; я тебя донесу до Царствия Божия, хочешь ли того или нет. Добрый ты или злой — возьму я тебя на свои плечи и принесу к Господу и скажу: Господи, я этого человека нёс всю жизнь, потому что мне было жалко — как бы он не погиб! Теперь Ты его прости ради моего прощения!.. Как было бы хорошо, если бы мы могли так друг друга тяготы носить, если бы мы могли друг друга нести и поддерживать, не стараться забыть, а наоборот — помнить. Помнить, у кого какая слабость, у кого какой грех, в ком что-то неладно, и НЕ ИСКУШАТЬ его этим, оберегать его, чтобы он не был подвергнут соблазну в том именно, что может его

погубить... Если бы мы могли так относиться друг к другу! Если бы, когда человек слаб, мы его окружали заботливой, ласковой любовью, сколько бы людей опомнилось, сколько людей стали бы достойны прощения, которое им дано ДАРОМ... Вот это путь покаяния: войти в себя, встать перед Богом, увидеть себя осуждённым, не заслуживающим ни прощения, ни милости, и вместо того, чтобы как Каин, бежать от лица Бога, обернуться к Нему и сказать: ВЕРЮЮ, Господи в Твою любовь, верую в Крест Сына Твоего, — верую, помоги моему неверию! И затем идти путём Христовым: ВСЕ принять от руки Божией, из всего принести плод покаяния и плод любви, и первым делом брата нашего простить, не ожидая его исправления, понести как крест, распяться, если нужно, на нём, чтобы иметь ВЛАСТЬ, подобно Христу, сказать: «Прости им, Отче, они не знают, что творят...». И тогда Сам Господь, Который сказал нам: «Какой мерой вы мерите, и вам возмерится... прощайте, как Отец ваш Небесный прощает», — ОН в долгу не останется: простит, исправит, спасёт и уже на земле, как святым, даст нам радость небесную. Пусть будет так, пусть начнётся в жизни каждого из нас сегодня, сейчас хоть НЕМНОЖЕЧКО этот путь покаяния, потому что ЭТО уже начало Царствия Божия. Аминь».

Митрополит Антоний Сурожский. «Любовь всепобеждающая». СПб., 1994

Три беседы об исповеди митрополита Антония

Беседа 1 Как надо исповедоваться? Ответ на это самый прямой, самый решительный: исповедуйся, словно это твой предсмертный час; исповедуйся, словно это последний раз, когда на земле ты сможешь принести покаяние во всей твоей жизни, прежде чем вступишь в вечность и станешь перед Божиим судом, словно это — последнее мгновение, когда ты можешь сбросить с плеч бремя долгой жизни неправды и греха, чтобы войти свободным в Царство Божие. Если бы мы так думали об исповеди, если бы мы становились перед ней, ЗНАЯ — не только воображая, но ТВЕРДО зная — что мы можем в любой час, в любое мгновение умереть, то мы не ставили бы перед собой столько праздных вопросов; наша исповедь тогда была бы беспощадно искренна и правдива; она была бы прямой, мы не старались бы обойти тяжёлые, оскорбительные для нас, унижительные слова; мы бы их произносили со всей резкостью правды, мы не задумывались бы над тем, что нам сказать или чего не говорить, мы говорили бы всё, что в нашем сознании представляется неправдой, грехом: всё то, что делает меня недостойным моего человеческого звания, моего христианского имени. Не было бы в нашем сердце никакого чувства, что надо себя уберечь от тех или других резких, беспощадных слов, потому что мы знали бы, с чем можно войти в вечность, а с чем в вечность нельзя войти. Вот как мы должны исповедоваться, и это просто, это страшно просто, и мы этого не делаем, потому что мы боимся беспощадной, простой прямооты перед Богом и перед людьми. Теперь грядёт время, когда Он станет перед нами либо в час нашей смерти, либо в час последнего Суда. И тогда Он будет стоять перед нами распятым Христом, с руками и ногами, прободенными гвоздями, раненым в лоб тернием, и мы посмотрим на Него и увидим, что Он распят, потому что мы РЕШИЛИ; Он умер, потому что мы заслужили осуждение смерти; потому что МЫ достойны вечного от Бога осуждения, Он пришёл к нам, стал одним из нас, жил среди нас и умер из-за нас. Что мы тогда скажем? Суд не в том будет, что Он нас осудит; суд будет в том, что мы увидим Того, кого мы УБИЛИ своим грехом, и Который стоит перед нами со всей Своей любовью... Вот, во избежание этого ужаса нам надо стоять на КАЖДОЙ исповеди, словно это наш последний предсмертный час, последнее мгновение надежды, перед тем, как мы это увидим. **Беседа 2** Я говорил вам, что каждая исповедь должна быть такой, как будто это — последняя исповедь в нашей жизни, и что этой исповедью должен быть подведён последний итог, потому что всякая встреча с Господом, с живым нашим Богом — предварение последнего, окончательного, решающего нашу судьбу суда. Нельзя встать перед лицом Божиим и не уйти оттуда либо оправданным, либо осуждённым. И вот встаёт другой вопрос: как готовиться к исповеди? Какие грехи приносить Господу? Во-первых, каждая исповедь должна быть предельно личной, МОЕЙ, а не какой-то общей, моей собственной, потому что решается ведь моя собственная судьба. И поэтому, как бы несовершен ни был мой суд над самим собой, с него надо начать, поставив себе вопрос: чего я стыжусь в своей жизни? Что я хочу укрыть от лица Божия, и что я хочу укрыть от суда собственной совести, чего я боюсь? И этот вопрос не всегда легко решить, потому что мы так часто привыкли прятаться от собственного справедливого суда, что когда мы заглядываем в себя с надеждой и намерением найти о себе правду, нам это чрезвычайно трудно; но с этого надо начать. И если бы мы на исповедь не принесли ничего другого, то это уже была бы правдивая исповедь, моя собственная. Но кроме этого, есть ещё и многое другое; стоит нам воззреть вокруг и вспомнить, что о нас думают люди, как они реагируют на нас, что случается, когда мы оказываемся в их среде — и мы найдём новое поле, новое основание для суда над собой... Мы знаем, что мы не всегда приносим радость и мир, правду и добро в судьбу Людей. Стоит окинуть взором ряд наших самых близких знакомых людей, которые нас так или этак встречают, и делается ясным, какова наша жизнь: скольких я ранил, скольких обошёл, скольких обидел, скольких так или иначе соблазнил. И вот новый суд стоит перед нами, потому что Господь нас предупреждает, что то, что мы сделали одному из малых сих, т. е. одному из людей, братии Его меньших, мы сделали Ему. А дальше вспомним, как о нас судят люди, часто их суд едок и справедлив. Часто мы не хотим знать, что о нас люди думают, потому что это — правда, и осуждение наше. Но иногда бывает и другое: люди нас и ненавидят, и любят несправедливо. Ненавидят несправедливо, потому что иногда бывает, что мы поступаем по Божией правде, а эта правда в них не укладывается. А любят нас часто несправедливо, потому что любят-то нас за то, что мы слишком легко укладываемся в неправду жизни, и любят нас не за добродетель, а за нашу ИЗМЕНУ Божией правде. И тут надо снова произнести над собой суд, и ЗНАТЬ, что иногда приходится каяться в том, что

люди к нам относятся хорошо, что хвалят нас люди; Христос опять-таки нас предупредил: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо». И, наконец, мы можем обратиться к суду евангельскому и поставить себе вопрос: как судил бы о нас Спаситель, если бы Он посмотрел — как Он на самом деле и делает — на нашу жизнь? Поставьте себе эти вопросы, и вы увидите, что исповедь ваша будет уже серьёзной и вдумчивой, и вам уже не придётся приносить на исповедь той пустоты, того детского, давно изжитого лепета, который часто приходится слышать. И не вовлекайте других людей. Вы пришли исповедовать свои, а не чужие грехи. Обстоятельства греха имеют значение, только если они оттеняют ваш грех и вашу ответственность, а рассказ о том, что случилось, почему и как — к исповеди никакого отношения не имеет, это только ослабляет в вас сознание вины и дух покаяния. **Беседа 3** Последний суд над нашей совестью принадлежит не нам, не людям, а Богу. Его слово и Его суд нам ясны в Евангелии, только редко умеем мы к нему вдумчиво и просто относиться. Если мы вчитываемся в страницы Евангелий с простотой сердца, не стараясь извлечь из них больше, чем мы можем жизнью осуществить, если мы честно и просто к ним относимся, то видим, что сказанное в Евангелии как бы распадается на три разряда. Есть вещи, справедливость которых нам очевидна, но которые не волнуют нашу душу — на них мы отзовёмся согласием. Умом мы понимаем, что это так, сердцем мы против них не восстаём, но жизнью мы этих образов не касаемся. Эти места евангельские говорят о том, что наш ум, наша способность понимать вещи стоят на границе чего-то, чего ни волей, ни сердцем мы ещё не можем постичь. Такие места нас осуждают в косности и бездеятельности, эти места требуют, чтобы мы, не дожидаясь, дабы согрелось наше холодное сердце, волей начинали творить волю Божию просто потому, что мы — Господни слуги. Есть другие места: если мы отнесёмся к ним добросовестно, если мы правдиво взглянем в свою душу, то увидим, что мы от них отворачиваемся, что мы не согласны с Божиим судом и с Господней волей, что если бы было у нас печальное мужество и власть восстать, то мы восстали бы так, как восставали в своё время и как восстают из столетия в столетие все, кому вдруг станет ясно, что заповедь Господня о любви, требующей от нас жертвы, совершенного отречения от всякой самости, от всякого себялюбия, что эта заповедь нам страшна и часто мы хотели бы, чтобы её не было. Так вокруг Христа, наверное, было много людей, хотевших от Него чуда, чтобы быть уверенными, что заповедь Христова истинна, и можно Ему последовать без опасности для своей личности, для своей жизни; были, наверное, и такие, которые пришли на страшное Христово распятие с мыслью, что если Он не сойдёт со креста, если не случится чуда, то, значит, Он был не прав, значит, Он не Божий был человек, и можно забыть Его страшное слово о том, что человек должен умереть для себя и жить только для Бога и для других. И мы так часто окружаем трапезу Господню, ходим в церковь — однако, с осторожностью: как бы нас правда Господня не уязвила до смерти и не потребовала от нас последнего, что у нас есть — отречения от самих себя. Когда по отношению к заповеди любви или той или другой конкретной заповеди, в которой Бог нам разъясняет бесконечную разнообразность вдумчивой, творческой любви, мы далеки от Господней воли, и можем над собой произнести укоризненный суд. И, наконец, есть места в Евангелии, о которых мы можем сказать словами путешественников в Эммаус, когда Христос с ними беседовал по пути: «Разве сердца наши не горели внутри нас, когда Он говорил с нами по пути?» Вот эти места, пусть немногочисленные, должны нам быть драгоценны, ибо они говорят, что есть в нас что-то, где мы и Христос — одного духа, одного сердца, одной воли, одной мысли, что мы чем-то уже сроднились с Ним, чем-то уже стали Ему своими. И эти места мы должны хранить в памяти как драгоценность, потому что по ним мы можем жить, не борясь всегда против плохого в нас, а стараясь ДАТЬ ПРОСТОР жизни и победу тому, что в нас уже есть божественного, уже живого, уже готового преобразиться и стать частью вечной жизни. Если мы так внимательно будем отмечать себе каждую из этих групп событий, заповедей, слов Христовых, то нам быстро предстанет наш собственный образ, нам станет ясно, каковы мы, нам будет ясен не только суд нашей совести, не только суд людской, но и суд Божий: но не только как ужас, не только как осуждение, но как явление целого пути и всех возможностей, которые в нас есть: возможность стать в каждое мгновение и быть всё время теми просветлёнными, озарёнными, ликующими духом людьми, какими мы бываем иногда, и возможность победить в себе ради Христа, ради Бога, ради людей, ради собственного нашего спасения то, что в нас чуждо Богу, то, что мёртво, чему не будет пути в Царство Небесное. Аминь.

Митрополит Антоний Сурожский. «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Проповеди. 1982

О покаянии говорят современные духовные руководители

Через ПОКАЯНИЕ даётся вера: Господь открывается только тому, кто сознаёт свою греховность. *Схиархимандрит Кирик* Награда ПОКАЯНИЮ — живая вера и упование. С упованием ощущает в себе душа силы, а там — любовь к Богу! *Схиархимандрит Даниил* Грех парализует свободу воли, а ПОКАЯНИЕ прибавляет, освобождает волю на добро и сердце расширяет на любовь, на любовь к Богу и ближнему. *Схиархимандрит Даниил* За одно только всегдашнее чувство покаяния можно спастись, т. к. память о покаянии не даёт воли грешить. *Схиархимандрит Кирик* Проси у Господа со всем усердием величайшего и нужнейшего из всех даров — видеть свои грехи и плакать о них. Имеющий этот дар имеет всё! *Игумен Никон* ... Исповедь — не просто разговор с духовным отцом, не погоня за утешением, не рассказ о грехах, не оправдание себя, не соболезнование о себе, не жалобы на других, не спор с духовным отцом, но сознание своей вины. Если укорять других, а не себя — облегчения не будет. *Схиархимандрит Даниил* Не было случая, чтобы Господь отказал когда-либо кающемуся в прощении. Только Господь не прощает нам, когда мы сами не прощаем другим. Потому помиримся со всеми, чтобы Господь помирился с нами. Простим всем, чтобы Господь нам простил. *Игумен Никон* Верить себе нельзя (предчувствиям, уверенности, что не будет из меня проку), а

трудиться в покаянии необходимо. Господь пришёл грешников спасти, но кающихся. Только кающимся вменяется всемирная крестная жертва Спасителя. *Игумен Никон Отец Алексей Мечёв* на исповеди требовал не перечня грехов, а сознательного отношения к своим поступкам, глубокого раскаяния в них и твёрдого намерения исправиться. Не надо, исповедуясь, касаться других и говорить ненужные подробности. Отец Алексей Мечёв считал, что лучше исповедоваться без бумажки (где записаны грехи), т. к. если человек не помнит своих грехов, значит душа у него о них не болит. То, о чём болеешь душой, не забудется. Весь наш внутренний подвиг должен сосредоточиться в покаянии и во всём, что содействует покаянию, а Божие придёт само собой, когда место будет чисто и если изволит Господь. *Игумен Никон* В больницах не осуждают друг друга за ту или иную болезнь. А мы все больны душевными болезнями — грехами. Одно надо твёрдо знать: нельзя отчаиваться ни в каком состоянии. Отчаяние — смерть души. В самых тяжких грехах можно покаяться и получить прощение. Многие отчаяннейшие разбойники и душегубы не только получили прощение, но достигли и святости. *Игумен Никон* Не оправдывай себя ни в каком грехе, как бы мал он ни казался. Всякий грех — нарушение воли Божией, показатель нелюбви к Богу. Поэтому надо всякий сделанный грех очищать покаянием. *Игумен Никон* Из плача и сокрушения о грехах рождается страх Божий, т. е. страх оскорбить Бога, затем рождается чувство близости Бога к нам, а затем рождается постепенно твёрдая решимость лучше умереть, чем оскорбить Господа, чем лишиться Его близости, появляется твёрдость в скорбях, не только безропотное несение их, но и благодарность за них, т. е. сердце будет ощущать радость очищения скорбями и удовлетворения некоторого, что можно терпеть ради Бога и тем любить Его. *Игумен Никон* Укоряй себя в каждом грехе, в каждой дурной мысли, в маловерии, сомнении, в бестолковом страхе смерти, укоряй и кайся тут же и будешь так приобретать спокойствие и мир душевный, преданность в волю Божию. *Игумен Никон* В частной, личной исповеди человек должен прийти и свою душу излить. Не смотреть в книжку и не повторять слова других. Он должен поставить перед собой вопрос: если бы я стал перед лицом Христа Спасителя и перед лицом всех людей, которые меня знают, что бы явилось предметом стыда для меня, что я не смог бы открыть с готовностью перед всеми, потому что слишком было бы страшно от того, что меня увидят таким, каким я себя вижу? Вот в чём надо исповедоваться. *Митрополит Антоний Сурожский* В чём заключается покаяние? Человек, который отвернулся от Бога или жил собой, вдруг или постепенно понимает, что его жизнь не может быть полной в том виде, в каком он её переживает. Покаяние заключается в том, чтобы обернуться лицом к Богу. *Митрополит Антоний Сурожский* Стоит только верующему во Христа осознать свои немощи и грехи и попросить прощения, как любовь Божия очищает и исцеляет все раны греховные. Грехи всего мира тонут в море любви Божией, как брошенный в воду камень. Не должно быть места унынию, безнадежности, отчаянию! Здешные земные скорби, болезни, тяготы старости будут радовать нас в будущей жизни. Если Господь страдал за нас, то как нам хотя в малой мере не быть участниками страданий Христовых! Душа наша, образ Божий, живущий в нас, желает быть причастником страданий Христовых, только наше малодушие и немощь боятся их, хотя силы, может быть, и хватило бы на терпение. *Игумен Никон* Покаяние молодит сердце и продлевает жизнь. *Святитель Николай Сербский (Велимирович)* У кающегося открываются глаза на два пути: на тот, которым идёт он, и тот, которым он должен идти. *Святитель Николай Сербский (Велимирович)* Господи мой, поспеши и укажи новый путь кающемуся, когда возненавидит он старый путь свой. *Святитель Николай Сербский (Велимирович)* За все грехи людские каюсь Тебе, многомилостивый! Каюсь за всех обременённых, сгибающихся под тяжестью забот и не умеющих возложить все заботы на Тебя. Слабому человеку не по силам и наималейшее бремя, для Тебя же и гора бедствий — будто комок снега, брошенный в печь огненную. *Святитель Николай Сербский (Велимирович)* Святой Предтеча Господень Иоанн — учитель покаяния. Есть много учителей покаяния, но св. Иоанн Предтеча отличается от них. Те только учат покаянию, а святой Иоанн Предтеча не только учит, но ДАЁТ силу на покаяние обращающимся к нему. *Архимандрит Борис (Холчев)* Помните: «покаяние» в переводе на русский язык означает «перемена». *Архимандрит Борис (Холчев)* Сердцевина покаяния — это обращение к Богу с надеждой, с уверенностью, что у Бога хватит и любви, чтобы простить, и силы, чтобы нас изменить. Покаяние — это тот поворот жизни, оборот мыслей, перемена сердца, который нас обращает лицом к Богу в радостной и трепетной надежде, в уверенности, что хотя мы не заслуживаем милости Божией, но Господь пришёл на землю не судить, а спасти, пришёл на землю не к праведным, а к грешным. *Митрополит Антоний Сурожский* Слава Господу, что Он дал нам покаяние, и покаянием все мы спасёмся, без исключения. Не спасутся только те, которые не хотят каяться. Всякая душа, потерявшая мир, должна покаяться, и Господь простит грехи, и будет тогда радость на душе и мир. Вот знак прощения грехов: если ты возненавидел грех, то простит тебе Господь грехи твои. *Преподобный Силуан Афонский*

Об общей исповеди

Само понятие «общей» исповеди ранее нашего века, кажется, не существовало. Некоторые говорят, что она вошла в практику от отца Иоанна Кронштадтского, но стоит прочитать описание той исповеди, которую проводил о. Иоанн, чтобы убедиться, что это была индивидуальная исповедь. Вот как об этом рассказал священник Василий Шустин. «Батюшку трудно было заполучить к себе (был Великий пост), и мне пришлось исповедаться на общей исповеди. Пришёл я с отцом к Андреевскому собору ещё до звона. Было темно: только половина пятого утра. Собор был заперт, а народу стояло уже порядочно около него. Полчаса пришлось простоять на улице, и мы прошли через особый вход прямо в алтарь. Скоро приехал батюшка и начал служить утрению. К его приезду собор был уже полон. А он вмещал в себя несколько тысяч человек. Около амвона стояла довольно высокая решётка, чтобы сдерживать напор. В соборе уже была давка. Во время утрени канон батюшка читал сам. После утрени началась общая исповедь. Сначала батюшка прочёл молитвы перед исповедью, затем сказал несколько слов о покаянии и громко,

на весь собор крикнул: “Кайтесь!” Тут стало творится что-то невероятное. Вопли, крики, устное исповедание тайных грехов. Некоторые, особенно женщины, стремились кричать как можно громче, чтобы батюшка услышал и помолился за них. А батюшка в это время преклонил колени пред престолом, положил голову на престол и молился. Постепенно крики превратились в плач и рыдания. Продолжалось так минут 15. Потом батюшка поднялся, пот катился по его лицу; он вышел на амвон. Поднялись просьбы помолиться, но другие голоса стали унимать их; собор стих. А батюшка поднял одной рукой епитрахиль, прочитал разрешительную молитву и обвёл епитрахилью сначала полукругом на амвоне, а потом в алтаре, и началась литургия... За престолом служило 12 священников, и на престоле стояло 12 огромных чаш и дискосов. Батюшка служил нервно, как бы выкрикивая некоторые слова, являя как бы особое дерзновение. Ведь скольких душ кающихся он брал на себя! Долго читали предпричастные молитвы: надо было много приготовить частиц. Батюшка вышел около 9 часов утра и стал приобщать. Сначала подходили те, которые были в алтаре. Среди них подошёл и я. Я отошёл (причастившись) на клирос и стал смотреть, как приобщается народ. Около решётки стояла страшная давка. Батюшка с чашей, которую от несколько раз менял, простоял с 9-ти утра до половины третьего дня... Служба, Святое Причастие давало столько сил и бодрости, что мы с отцом не чувствовали никакой усталости».

«Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев» М., 1997

Общая исповедь у митрополита Антония

Она (исповедь) у нас происходит 4 раза в году. Пред общей исповедью я провожу 2 беседы, которые направлены на понимание того, что такое исповедь, грех, Божия правда, жизнь во Христе. Каждая из этих бесед длится 3/4 часа. Все собравшиеся сначала сидят, слушают, затем наступает получасовое молчание, в течение которого каждый должен продумать то, что он слышал, продумать свою греховность, посмотреть на свою душу. А потом бывает общая исповедь: мы собираемся в середине церкви, я надеваю епитрахиль, перед нами Евангелие, и обыкновенно я читаю покаянный канон Господу Иисусу Христу. Под влиянием этого канона я произношу вслух свою собственную исповедь не о формальностях, а о том, в чём меня попрекает моя совесть, и что открывает мне читаемый мной канон. Каждый раз исповедь бывает разная, потому что слова этого канона всякий раз меня обличают по-иному в другом. Я каюсь перед всеми людьми, называю вещи своими именами не для того, чтобы они меня потом упрекали конкретно в том или ином грехе, а чтобы каждый грех был раскрыт перед ними как мой собственный. Если я не чувствую, произнося эту исповедь, что я истинно кающийся, то и это произношу в качестве исповеди. «Прости меня, Господи. Вот я произнёс эти слова, но они до моей души не дошли». Эта исповедь обыкновенно длится 3/4 часа или полчаса, или 40 минут в зависимости от того, что я могу исповедовать перед людьми. Одновременно со мной люди исповедуются молча, и иногда как бы вслух говорят: «Да, Господи, прости меня, Господи. И я в этом виноват». Это является моей личной исповедью, и, к сожалению, я настолько греховен и настолько похож на каждого, находящегося при этом действии, что мои слова раскрывают перед людьми их собственную греховность. После этого мы молимся; читаем часть покаянного канона, читаем молитвы перед Святым Причащением: не все, а избранные, которые относятся к тому, о чём я говорил, и как я исповедовался. Затем все встают на колени, и я произношу общую разрешительную молитву, чтобы каждый, кто считает нужным подойти и отдельно рассказать о том или другом грехе, мог бы это свободно сделать. Я на опыте знаю, что такая исповедь учит людей приносить частную исповедь. Я знаю многих людей, которые мне говорят, что они не знают, с чем придти на исповедь, что они согрешили против множества заповедей Христовых, сделали очень много дурного, но не могут собрать это в покаянную исповедь. А после такой исповеди, общей, люди приходят ко мне и говорят, что они теперь знают, как надо исповедовать свою собственную душу, что они этому научились, опираясь на молитвы Церкви, на покаянный канон, на то, как я сам в их присутствии исповедовал свою душу, и на чувства других людей, которые эту же самую исповедь воспринимали как свою. Я думаю, что это очень важно: общая исповедь становится уроком того, как исповедоваться лично... Я думаю, что каждый из нас может научиться каяться и приходить на исповедь всякий раз с новой победой и с новым видением того поля битвы, которое перед ним раскрывается всё шире и глубже. И мы можем получить прощение наших грехов от Христа, прощение того, что мы уже начали в себе побеждать, и благодать — новую силу, чтобы победить то, что мы ещё не победили...